

1918 годъ.

Цѣна 1 р. На жел. дор. 1 р. 15 к.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

№ 3 (9)

ЕДИНЕНІЕ

ГОДЪ = II
ИЗДАНІЯ II

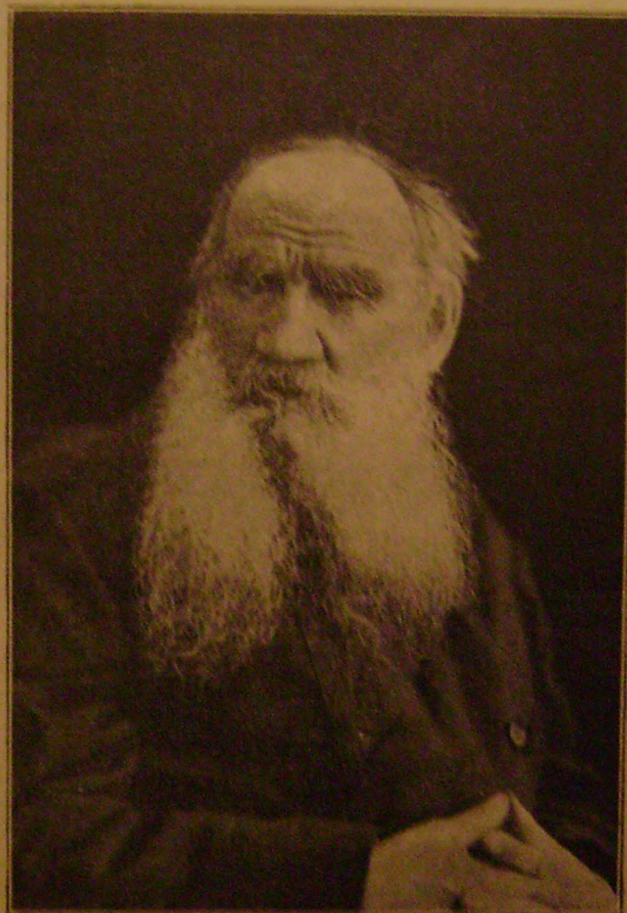
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

По съ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5. Издавательство «Свобода», въ Контору (въ редакцію) «Единеніе».

Къ 90-лѣтію со дня рожденія Льва Николаевича Толстого.

28 августа (10 сентября) 1828—1918 гг.

Фот. В. Ч.

«Вѣдь теперь уже не можетъ быть неясно, что всѣ эти борьбы, всѣ эта ненависть, всѣ эти насильственные устройства, отставанія властей, государства разныхъ народовъ, — что все это безмысленныя, ни къ чему, кромѣ какъ къ все увеличивающимся вѣдствіямъ, не ведущія обману».

Левъ Толстой

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

и

ЕДИНЕНИЕ

— ГОДЪ II
ИЗДАНІЯ II

№ 3 (9)

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5, Издательство «Свобода», въ Контору (или Редакцію) «Единеніе».

СОДЕРЖАНІЕ. ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО: Привѣтъ отказавшимся отъ военной службы. Объ убійствѣхъ и военной службѣ. ЕДИНЕНІЕ—Н. Гусевъ, Предсказаніе Толстого.—А. Аполловъ, Христосъ.—А.*, Гражданская война.—В. Чертковъ, Интеллигенція и народъ (Окончаніе).—А.*, Китайскіе и миссіонеры.—Л. Толстой, О насиліи.—В. Медвѣковъ, Векъ науки.—В. Гербуновъ, Мысли о современной жизни.—Толстой о пророчествѣ Христа.—Г. Кондратьевъ, Деревенская жизнь (Окончаніе).—Обмѣны мнѣній: Письма изъ Россіи, Письмо русскаго офицера изъ германскаго плѣна, Изъ Финляндіи, Вѣсти съ Украины, Хроника: В. М. и Н. Е. О жизни на землѣ, А. А. Карелинъ, Письмо въ Редакцію—Отъ Редакціи.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО.

Привѣтъ отказавшимся отъ военной службы.

Привѣтъ вамъ, страдающіе за общее наше, всего человечества, дѣло, братья.

Несчастные, заблудшіе люди, не понимая того, что они дѣлаютъ, мучаютъ васъ, и милліоны и милліоны людей старательно закрываютъ глаза на то, что дѣлается съ вами, для того, чтобы не видѣть того простого и яснаго вопроса, который, хотѣть ли они или не хотѣть этого, съ такой яркостью стоитъ теперь передъ всѣмъ человечествомъ и въ особенности передъ той частью его, которая называетъ себя христіанами.

Васъ мало, вы единицы на милліоны, но сила не на ихъ, а на вашей сторонѣ, и они смутно чувствуютъ это и потому стараются не видѣть, не признавать вопроса, дѣлать видъ, что и нѣтъ никакого вопроса, но вы своимъ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, отвѣтомъ, подтверждаемымъ вами страданіемъ, такъ осмѣждаете вопросъ, что они уже не могутъ не видѣть этого.

Простой и ясный вопросъ вѣдь въ томъ: какой изъ двухъ законовъ признаешь ты для себя обязательнымъ, ты, каждый человекъ нашего времени: законъ ли Бога, т.-е. своей совѣсти, или законъ человеческій, т.-е. законъ государства? Вѣришь ли ты слѣду законовъ или Евангелію? Какія повелѣнія считаешь для себя болѣе обязательными: повелѣнія ли Бога или военскаго устава?

Заблудшіе люди думали уйти отъ этого вопроса, хотѣли скрыть, замѣять его, но ты своимъ яснымъ отвѣтомъ на вопросъ неотвратимо поставилъ его передъ всѣми. Нельзя уже притворяться, что нѣтъ вопроса, а надо такъ или иначе отвѣчать на него. И отъ этого-то, какъ ни мало васъ, пускай они до смерти замучаютъ васъ, побѣда неизбежно останется на вашей сторонѣ, на сторонѣ истины, добра, при-

стого здраваго смысла. Отъ этого-то такъ и велико, огромно то дѣло, которое вы дѣлаете своими, столь незамѣтными для мірскаго мира страданіями, и вотъ это-то мы, раздѣляющіе ваши взгляды, радуящіеся на васъ, ободряемые вами, и хотимъ высказать вамъ.

Не думайте, чтобы цѣлью посланія, которое я пишу не только отъ своего лица, но и отъ лица всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ по отношенію къ вамъ то же, что и я,—а такихъ, какъ и знаю, очень много,—не думайте, чтобы цѣлью нашей было желаніе поддержать ваши силы въ предстоящемъ вамъ испытаніи. Мы знаемъ, что руководить и поощрять васъ не можетъ мнѣніе людское, такъ какъ дѣлаете вы то, что дѣлаете, независимо отъ того, будутъ ли люди хвалить или порицать васъ за то, что вы дѣлаете.

Не думайте тоже и того, чтобы мы, боясь того, чтобы вы своимъ отступленіемъ не ослабили силу совершаемаго вами великаго не только для всѣхъ насъ, но и для всѣхъ будущихъ поколѣній дѣла, желали бы утвердить васъ въ вашемъ рѣшеніи. Мы далеки отъ этой мысли. Мы знаемъ, что то великое дѣло, которое вы дѣлаете, раньше или позже, но неизбежно совершится, и потому какъ бы слабы ни были тѣлесныя силы и сколько-нибудь къ вамъ, такъ бы ни было непродолжительно ваше обличеніе обмана и борьба съ нимъ, мы однако цѣнимъ эту борьбу и любимъ васъ за нее, продолжалась ли она дни или годы.

И потому цѣль наша въ этомъ обращеніи къ вамъ одна: высказать вамъ, какъ тѣмъ, которые только въ послѣднее время поддержались, несомнѣнно и насиліемъ, такъ и тѣмъ, которые съ испоконвѣчной твердостью, спокойствіемъ и прощеніемъ къ своимъ мучителямъ несли и несутъ эти испытанія годами,—цѣль наша одна: высказать тѣ ваши чувства утѣшенія, любви и благодарности къ вамъ за то духовное освобожденіе, которому вы такъ самоотверженно и вѣрно служите своими тѣлесными страданіями.

Помогай вамъ Богъ съ прожвой кротостью, тер-

пріемъ и прощеніемъ къ тѣмъ несчастнымъ, заблудшимъ людямъ, которые тщетно стараются сдѣлать вамъ зло, нести добровольно принятія на себя страданія.

Всей душой любящій и почитающій васъ

Л. Толстой.

10 февраля 1909 г.

Объ убійствѣ и военной службѣ *).

Никакія условія не могутъ сдѣлать того, чтобы убійство перестало быть самымъ грубымъ и явнымъ нарушеніемъ закона Бога, выраженнаго и во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ совѣсти людей.

Л. Толстой.

Гдѣ Христосъ? Гдѣ его ученіе? Гдѣ его можно найти у христіанскихъ народностей? Въ учрежденіяхъ—его тамъ нѣтъ; въ законахъ, проникнутыхъ духомъ неправого неравенства,—нѣтъ его и тамъ; въ нравахъ, проникнутыхъ эгоизмомъ,—его тамъ нѣтъ. Гдѣ же ученіе Христа? Оно въ грядущемъ, подготовляемомъ работой въ глубинахъ человѣческой природы; оно въ движеніи, волнуемомъ народы изъ края въ край земли; оно въ стремленіяхъ чистыхъ душъ и праведныхъ сердецъ; оно въ сознаніи всѣхъ, ибо всѣ сознаютъ, что существующее не можетъ длиться, потому что оно есть зло, отрицаніе милосердія, братства, есть наслѣдіе Каинова племени, есть нѣчто уже отринутое, подлежащее разсвѣнію отъ дуновенія Бога.

Ламенэ.

Что такое военная служба? А вотъ что. Какъ только молодой человѣкъ возрѣетъ, окрѣпнѣетъ, можетъ помогать своимъ родителямъ, его приводятъ въ приемную, велятъ раздѣться, осмотрѣть и потомъ велятъ на крестѣ и Евангеліи поклѣсться, что онъ будетъ слушаться во всемъ своихъ начальниковъ и будетъ убивать всѣхъ тѣхъ, кого ему велятъ убивать. Когда же онъ исполнитъ это, противное и разуму и совѣсти и даже букѣ закона Христа, выраженнаго въ Евангеліи, приказаніе, его наряжаютъ въ мундиръ, даютъ ружье, обучаютъ стрѣльбѣ и посылаютъ убивать людей—своихъ братьевъ. Люди, которыхъ ему велятъ убивать, не сдѣлали ему никакого зла, онъ никогда не видалъ ихъ, не стрѣляетъ и колѣтъ ихъ, потому что поклѣлся дѣлать это на Евангеліи—на томъ самомъ Евангеліи, въ которомъ сказано, что не должно клясться и не только убивать, но и гнѣваться на брата.

Л. Толстой.

Военная служба вообще развращаетъ людей, ставя поступающихъ въ нее въ условія совершенной праздности, т. е. отсутствія разумнаго и полезнаго труда, и освобождая ихъ отъ общихъ человѣческихъ обязанностей, взаимъ которыхъ выставляются только условную честь полка, мундира, знамени и, съ одной стороны, безграничную власть надъ другими людьми.

* Эти мысли были предназначены Л. Н. Толстымъ для 2-го переработаннаго изданія его «Круга чтенія»; но по цѣлурнымъ условіямъ изъ нихъ были напечатаны лишь вступленіе, мысль 1-ая и заключеніе. Остальныя появляются въ печати впервые. *Ред.*

а съ другой—рабскую покорность высшимъ себя начальникамъ.

Въ особенности развращающе дѣйствуетъ на военныхъ ихъ праздная, распущенная жизнь потому, что если невоенный человѣкъ ведетъ такую жизнь, онъ въ глубинѣ души не можетъ не стыдиться ея. Военные же люди считаютъ, что это такъ должно быть, хвалятся, гордятся такой жизнью, особенно въ военное время. «Мы готовы жертвовать жизнью на войнѣ, и потому такая беззаботная, веселая жизнь не только простибельна, но и необходима для насъ. Мы и ведемъ ее».

Л. Толстой.

Въ каждомъ тѣлѣ человѣка живетъ одно и то же: Божественное начало, и поэтому ни отдѣльный человѣкъ, ни собранія людей не могутъ имѣть права нарушить это установленное соединеніе Божественнаго начала съ человѣческимъ тѣломъ, т. е. лишить человѣка жизни.

Л. Толстой.

ЕДИНЕНИЕ.

Предсказаніе Толстого.

2 января 1909 года вечеромъ Левъ Николаевичъ просматривалъ полученную въ тотъ день въ Ясной Полянѣ южнкую декадентскаго журнала «Вѣсть». Прочитавъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, Левъ Николаевичъ закрылъ книгу и сказалъ:

Сегодня мнѣ Чертковъ далъ письмо изъ Полтавы о смертной казни, какъ вѣшали двоихъ, отца и сына. Отецъ умиралъ, хватался за рѣшетки, визжалъ... А тутъ «Вѣсть»... Я умру, а вы увидите...

— Что увидимъ?—спросилъ сынъ Льва Николаевича, Андрей Львовичъ.

— Какъ все распадается, вся жизнь... Жизнь можетъ итти сколько нибудь сполна лишь тамъ, гдѣ есть такіе нибудь религіозныя основы.

Мы переживаемъ теперь то время, когда исполняется предсказаніе Льва Николаевича о томъ, что распадается та жизнь, которая не имѣетъ подъ собой никакой религіозной основы.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не означаетъ распадъ жизни это ужаснѣйшее продолжавшееся уже пятый годъ взаимное истребленіе цивилизованныхъ народовъ, которое называется мировой войной, со всѣмъ тѣмъ зломъ нравственнаго развращенія и неисчислимыми матеріальными бѣдствіями, которыя были порождены этимъ человѣкоистребленіемъ. И не то же ли распадѣніе всей жизни видимъ мы теперь у насъ въ Россіи, гдѣ убійство сотенъ людей, причисляемыхъ къ другой парти или къ другому классу общества не только не считается ужаснѣйшимъ преступленіемъ, которому нѣтъ названія на языкѣ человѣческомъ, но считается необходимымъ для блага народа, и гдѣ, поэтому жизнь человѣческая потеряла всякую цѣну?

Бывали періоды, когда человечество переживало еще гораздо болѣе тяжелыя бѣдствія, чѣмъ оно переживаетъ теперь. Такъ было, напримѣръ, въ средніе вѣка. Въ десятомъ вѣкѣ Франція была разорена и опустошена нашествіемъ венгровъ, за которыми послѣдовали голодные годы. Въ теченіи трехъ лѣтъ почти непрерывно шли дожди, такъ что нѣльзя было ни сѣять ни жать. Земля не дала болѣе ничего и се забрала. «Мѣра хлѣба»,—пишетъ современникъ Рауль Глаберъ,—продавалась не дешевле какъ за 60 золотыхъ, даже богаты похудѣли и подаивали; бѣдные ели даже пресыщенные корни и многие рывались штырьемъ человѣческимъ миссомъ. По бѣднѣшимъ дорогамъ сильныя нападали на слабыхъ, рубили ихъ на части, жарили и ѣли. Многіе заманивали дѣтей, обещая имъ яблоко или яблоко, и затѣмъ похоронили ихъ. Общій

ѣсть человеческое мясо укоренился до такой степени, что наместил торговцев, рвавшихся выставить такое мясо на рынок. Они не отрицали обвинения и были за это сожжены живыми. Народ голоду умирая от голода. Число трупов было так велико, что не было никакой возможности их хоронить. За голодом посылывали морь. Стали волкды разгуливали по улицам, пожирая валявшиеся на них тѣла.*)

Мы видим такимъ образомъ, что если говорить о материальныхъ бѣдствіяхъ, переживаемыхъ человечествомъ въ наше время, то бѣдали въ исторіи человечества эпохи, когда бѣдъ тѣмъ эти были еще гораздо болѣе ужасны. Но едва ли когда человечество переживало такое нравственное разложение, какое оно переживаетъ теперь.

Все многовѣковое движеніе впередъ человечества заключалось во все большемъ и большемъ знаніи братства всѣхъ людей и всѣхъ народовъ. И вдругъ въ нашемъ культурнѣйшемъ двадцатомъ столѣтіи народы, составившіе самими переделомъ, по приказанію своихъ правительствъ, начинаютъ считать другъ друга смертельными врагами и съ яростію дикихъ и кровожадныхъ звѣрей и въ то же время во всеоружіи самыхъ усовершенствованныхъ средствъ человѣкоубіенія, набрасываются и истребляютъ другъ друга! Наука, та самая наука, которая, послѣ того, какъ церковь потеряла, въ глазахъ образованныхъ людей своей авторитетъ, завладела ключами Царства Небеснаго, эта самая наука всѣ свои усилія направляетъ къ тому, чтобы придумать все болѣе и болѣе вѣрные способы уничтоженія людей. Въ Германіи знаменитый профессоръ химіи Берлинскаго университета Оствальдъ, открываетъ способъ душить людей газомъ, а сѣтила литературы и науки, какъ Гергардъ Гаунтманъ и преставляе профессоръ Вундтъ и Гуссель оправдываютъ всѣ современныя ижещными войсками въ эту войну злодѣянъ и высказываются за присоединеніе къ Германіи завоеванныхъ земель. Въ Англіи, признаваемой классической страной свободы, сидятъ въ тюрьмахъ до 6,000 человекъ, по религиознымъ убѣжденіямъ отказавшихся отъ военной службы.

У насъ въ Россіи тысячи людей, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, гибнутъ въ такъ называемой гражданской войнѣ, и хладнокровно разстрѣливаются безоружные по заранее составленнымъ спискамъ.

Что можетъ быть ужаснѣе всего этого? И не есть ли это то распаденіе всей жизни, которое предсказывалъ Левъ Николаевичъ?

Но къ предсказанію о распаденіи жизни Левъ Николаевичъ прибавлялъ и другое предсказаніе. Онъ говорилъ, что положеніе теперешняго христіанскаго человечества ужасно, но утѣшеніе въ томъ, что оно такъ ужасно, что не можетъ долѣе продолжаться такимъ, каково оно есть теперь. Человѣчество должно найти выходъ изъ теперешняго положенія, и оно его найдетъ. И выходъ этотъ также былъ указанъ Леономъ Николаевичемъ.

Выходъ этотъ въ томъ, что бы признать, что ни одинъ человекъ, ни какое бы то ни было собраніе людей, имѣющихъ власть, или немѣющую ея, не имѣть права провозгласить насилие надъ другими людьми, а тѣмъ болѣе совершать ужаснѣйшее преступленіе—убійство. Выходъ въ томъ, чтобы признавать каждого человека сыномъ Божіимъ, а потому жизнь каждого человека одинаково священною. Выходъ въ томъ, чтобы видѣть въ каждомъ человѣкѣ то, что видѣлъ въ немъ Христосъ, про котораго Чанинъ писалъ:

«Главную сущность характера Христа я вижу въ его умиротворенности въ величіи человеческой души. Онъ видѣлъ въ человѣкѣ отраженіе и образъ Божества и потому любилъ человѣка, кто бы онъ ни былъ и какія бы ни были условія его жизни и характера. Исусъ смотрѣлъ на людей взоромъ, пропущившимъ материальную оболочку; тѣло исчезало передъ нимъ. Онъ смотрѣлъ сквозь парадъ богатого и лохмотья нищаго въ душу человѣка и тамъ, среди мрака невѣжества и оцѣпенъ грѣха онъ находилъ духовную, бессмертную природу и зачатки силы и совершенства, которые могутъ развиваться безконечно. Въ самомъ низкѣ нашемъ человѣкѣ онъ видѣлъ существо, которое могло бы превратиться въ ангела свѣта».

Для того, чтобы наша жизнь перестала быть тѣмъ ужасомъ, въ который она превратилась теперь, намъ нужно измѣнить наше отношеніе другъ къ другу, намъ нужно сдѣлаться дружными людьми. Иного выхода нѣтъ и быть не можетъ.

Н. Гусевъ **)

*) Е. А. Предтеченскій. Конецъ міра по вѣроуавіямъ миссионеровъ «Новыя». Приложение къ книгѣ Фламмерсона: «Конецъ міра» П. 1896, стр. 193—195.

**) Н. Гусевъ—бывшій секретарь Л. Н. Толстого, авторъ дневника «Два года съ Толстымъ» (изд. 1911 г.) и биографія Л. Н. Толстого, составленной имъ для народа (Печатается, Ред.).

Христосъ.

Всѣ ожидали Христа, и каждый вѣрилъ, что онъ придетъ и дастъ именно то самое, что одно только и нужно для жизни.

Ужъ давно пророки пророчествовали о немъ. «Настанетъ,—говорили они,—время, что всему міру будетъ перемена, не будетъ зла на землѣ, вездѣ будетъ одна правда, всѣ народы примирятся между собой и перекуютъ мечи свои на плуги, нищие и вдовы будутъ успокоены и, говоря кратко, отреть Го. подъ слезы съ лица всякаго страждущаго».

А время шло, и зло не только не уменьшалось, а разливало все болѣе и болѣе и грозило затопить собой всю землю. Но чѣмъ сильнѣе было зло и чѣмъ болѣе было насилие на землѣ, тѣмъ крѣпче держались люди на ежды, что придетъ Христосъ—и кого наградить, а кому отомстить.

Вотъ придетъ Христосъ,—думали иудеи, и итѣсняемые безбожными язычниками, и всѣхъ невѣрныхъ покорить намъ и заставить служить и мѣ.

Вотъ придетъ Христосъ,—гадали рабы, угнетаемые безчеловѣчными господами,—онъ всѣмъ намъ дастъ освобожденіе отъ безчеловѣчнаго рабства.

Вотъ придетъ Христосъ,—надѣялись всѣ униженные и оскорбленные,—и онъ воздастъ нашимъ обидчикамъ за наши обиды.

Самаряне съ иудеями спорили о храмѣ и никакъ не могли прийти къ согласію. Одни говорили, что Богъ лучше слышитъ, если ему молятся въ Иерусалимѣ, а другіе были убѣждены, что поклоняться надо на одной изъ горъ Самарійскихъ: Гаризинъ. Въ однозъ только согласны были и тѣ и другіе:

Что придетъ Христосъ и разсудитъ наше дѣло. И скажетъ намъ, гдѣ молитва скорѣе доходитъ до Бога.

Даже богатые и вельможи, не знавшіе отъ пресмыщенія, какое еще развлеченіе найти, и тѣ ждали Христа.

Хоть бы Христосъ скорѣе приходилъ, что-ли? Все, можетъ-быть, и намъ не такъ скучно стало бы жить на свѣтѣ.

А время явиться Христу приближалось. И одинъ праведный старецъ говорилъ, что вотъ-вотъ и Христосъ явится: «Не умру,—говоритъ,—пока своими глазами Христа не увижу».

И Христосъ пришелъ, и каждому принесъ то именно, въ чемъ одному онъ нуждался.

Богатымъ онъ сказалъ: «Раздавайте бо атства свои и будете имѣть небесное сокровище. А съ богатствомъ вы, какъ ни старайтесь, не найдете покоя душѣ своей».

А нищимъ сказалъ: «Зачѣмъ вы завидуете богатымъ: имъ не въ чемъ завидовать. Что у нихъ есть, то для васъ не нужно, а что вамъ нужно всего болѣе, того у нихъ нѣтъ нѣтъ. А прежде всего ищите себѣ Царствія Божія, а прочее все приложится вамъ».

Но какъ богатые, такъ и бѣдные въ большинствѣ случаевъ остались недовольны Христовымъ наставленіемъ. Богатые думали, что Христосъ будетъ для нихъ какъ новое раздѣленіе, а чтобы богатство раздавать—этого они даже и не ожидали отъ Христа. Бѣдные же рассчитывали, что Христосъ по своему появленію раздѣлитъ между ними всѣ сокровища богатыхъ,—и въ этомъ полагали царствіе Христово.

А кто изъ бѣдныхъ или богатыхъ былъ доволенъ Христовымъ наставленіемъ, тотъ совѣтъ его прилагалъ къ своей жизни и дѣлаелъ ученикомъ Христа.

Господамъ и рабамъ Христось сказалъ: «Вы всё одинаковы между собою. Но если кто изъ васъ хочетъ передъ Богомъ быть выше другого, тотъ пусть всѣмъ служитъ».

И господа и рабы остались недовольны. Рабы думали, что Христось принесетъ имъ волю, а онъ возвѣстивъ имъ терпѣнiе и покорность. Также и господа не могли согласиться, чтобы поѣли въ услуженiе своимъ же рабамъ.

Но кто изъ господъ покорялся Христу, тотъ отпускалъ рабовъ своихъ на волю и считалъ ихъ своими братьями. Также многие и изъ рабовъ дѣлались учениками Христа.

Фарисеямъ и ханжамъ Христось говорилъ: «Не надѣйтесь на посты ваши: не то сквернить, что въ уста, а что изъ устъ. Не надѣйтесь на десятины: Богъ милости хочетъ, а не жертвы. Не надѣйтесь на свои храмы и свои праздники: сынъ человѣческой больше храма и субботы».

А мытарямъ (сборщикамъ податей), блудницамъ и грѣшникамъ: «Процаю вамъ всё грѣхи ваши, только впередъ худого не дѣлайте».

Но и фарисеи, и мытари тоже не удовлетворились ученiемъ Христа. Однимъ обидно было, что онъ ни во что не ставилъ ихъ молитвы и посты, а другiе недоумѣвали, какъ можно такъ, чтобы впередъ не грѣшить: «лучше бы,—думали они,—постъ или поклонъ на насъ накинуть, но только чтобы грѣшить-то можно было».

А которымъ наставленiе Христа по душѣ пришлось, тѣ вступали въ число учениковъ его.

Самарянамъ и иудеямъ, которые спорили о вѣрѣ, онъ сказалъ: «Не въ Иерусалимѣ и не на горѣ Гаризинѣ слѣдуетъ поклоняться Отцу, а на всякомъ мѣстѣ владычества его, да при томъ не плотью, а духомъ и истинной жизнью».

Не угодили этимъ Христось самарянамъ съ иудеями. Самарянамъ показалось, что онъ унижилъ ихъ гору, а иудеямъ обидно было за Иерусалимъ свой. И тѣ и другiе сердились на Христа, что онъ осуждаетъ ихъ плотское служенiе и требуетъ новаго.

И только появивше истинность духовнаго поклоненiя присоединялись къ ученикамъ Христовымъ.

И всѣмъ вообще Христось принесъ благодать, которая одна всѣмъ нужна.

«Заповѣдь новую,—сказалъ онъ,—даю вамъ: любите другъ друга. Иго, говорилъ, мое благо и бремя легко. Повесите его на себѣ,—и найдете покой душамъ вашимъ».

И желавше нести бремя Христова слѣдовали по пути его.

И было послѣдователей Христовыхъ немного, а осуждавшихъ его много.

Всѣ недовольные Христомъ возстали на него. Возстали на Христа цари и князья, архiereи и фарисеи, богатые и бѣдные, мытари и грѣшники:

— Развѣ это Христось, что передъ ѣдой рукъ не умываетъ?—говорили про Христа тѣ, у которыхъ не одиѣ руки, но сквернена была и душа, но которые съ усердiемъ соблюдали всѣ вышнiя омовенiя.

— Развѣ это Христось, что съ мытарями и грѣшниками дружитъ и за однимъ столомъ сидитъ,—говорили тѣ, которые считали себя за самыхъ праведныхъ на цѣломъ свѣтѣ.

— Развѣ это Христось, что живую блудницу оправдалъ,—говорили тѣ, которые втихомолку грѣшили съ этой блудницей.

— Развѣ это Христось, что субботу Моисееву дѣлами милосердiя разоряетъ,—говорили тѣ, кото, не праздники проводили въ пьянствѣ и разпутствѣ.

— Посты наши не почитать учить.

— Милосерднаго самарянина-еретика нашему священству предпочесть.

— Все духовенство наше осудить.

— А еще Христось называется, сынъ Божiй, царь какого-то царства.

И осудили его какъ богохульника и развратителя. И насмѣхались надъ нимъ, и надругались надъ нимъ. Ударили его по щекамъ, желая видѣть, будетъ ли онъ, какъ училъ другихъ, подставлять другую.

Плевали въ лицо. Надѣвали на голову его терновый вѣнецъ. Пероли бичами. А онъ все молчалъ и терпѣлъ. И озлились еще болѣе враги его.

— Развѣ это Христось?—говорили они.—Развѣ настоящий Христось сталъ бы терпѣть все это? Развѣ Христось позволилъ бы, чтобы мы надругались надъ нимъ? Нѣтъ, какъ бы мы все это надъ истиннымъ Христомъ продѣлывали, такъ и духу нашего не оставалось бы.

— Да распять будетъ!—сказали первосвященники.

— Пусть будетъ распять!—восклицалъ народъ.

И взяли его и распяли, какъ злодѣя со злодѣями. Разбойники по бокамъ, а онъ по срединѣ между ними.

Но не прошло и трехъ дней со времени распятiя Христова, какъ ученикамъ его, упавшимъ духомъ при видѣ униженiя Христа, открылось все духовное величiе подвига, совершеннаго Христомъ, и воскресла вѣра, что вѣчно живо дѣло, заповѣданное Христомъ.

Христось не умеръ. Не прошло и трехъ дней, какъ онъ воскресъ для всѣхъ вѣрующихъ въ воскресенiе его духовное,—воскресъ въ ихъ внутреннемъ сознании.

Первая узнала это Марiя Магдалина, та, которая любила больше всѣхъ и которой предано было больше всѣхъ, и съ этихъ поръ посвятила жизнь свою дѣлу Христову; узнали потомъ и другiя женщины и возрадовались духомъ своимъ.

Узнали это и двое учениковъ шедшихъ въ Эммаусъ, у которыхъ возгорѣлось сердце отъ сознаниа присутствiя Христова.

Узнали десять учениковъ, которые изъ-за страха иудеевъ сидѣли въ собранiи за запертymi дверями.

Увѣровалъ и Тома маловѣрный, когда ему сказано было: «Блаженны не видѣвшiе, но увѣровавшiе», и Симонъ Петръ, прежде трижды отрекавшiйся отъ Христа, а теперь трижды обѣщавшiйся любить его больше всѣхъ.

Увѣровали и тѣ пятьсотъ братьевъ, кото, не были на горѣ Галилейской, когда сказано было: «Идите, учите всѣхъ сохранять то, чему я училъ васъ».

И теперь вѣрують и дѣлають дѣло Христова всѣ тѣ, которые воскресли для Христа и въ которыхъ воскресъ Христось.

Эти вѣрные—тотъ храмъ верукотворенный, который воздвигнулъ Христось взавѣтъ рукотвореннаго храма иудейскаго; это—церковь Христова; это—живое тѣло Христово, оживляемое живущимъ въ немъ духомъ Христовымъ.

А. Аполловъ *).

* Авторъ—бывшiй священникъ, отказавшiйся отъ своей должности, ум. въ 1894 г. (ред.)

Гражданская война.

Насилие, разстрелы... Восстания и опять разстрелы. Это — гражданская война. Она уже длится несколько месяцев, но, к сожалению, ей пока не видно конца.

Наиболее яркая вспышка этой войны имела место в Ярославле. Восставшие владели городом более двух недель. Война велась по всем правилам искусства. Брошенные в бой танки, броневики, самолеты, пулеметы, артиллерия самых больших калибров, даже снаряды, начиненные удлинными газами. Газеты сообщали ужасные подробности о действии сурганного огня и о начавшихся пожарах.

Газетная информация дополнялась рассказами «блуждущих» из Ярославля, какими-то чудом ухитрившихся прорваться сквозь линию огня, бросивших все и десятками прибывавших в Москву.

Эти рассказы дышать подлинным страданием. А самый страшный вид этих несчастных, растерянных и семьи и имущества, обезумевших от ужаса и не могущих еще прийти в себя от этой неслыханной адской музыки орудий, трескотни пулеметов и вида массовых убийств, — этот страшный вид говорить красноречивее всяких описаний. И становится по-истини жутко за человека, за людей, и, несмотря на всю привычку, сам собою рвется откуда-то изнутри наиважнейший вопрос:

— За что? Кому же это нужно? И неужели чем-нибудь может быть искуплено это море человеческих страданий? Неужели может быть прочным и желанным «счастье» новой жизни, устроенной на этих лужах крови и на таком неслыханном количестве потопленных, замученных, убитых?

Кто виноват?

— Красногвардейцы, блугвардейцы, революционеры, контр-революционеры, я не знаю. Но я знаю доподлинно и твердо, что совершенно неповинны в причинах этой войны ни грудная дитя, ни седые старики, ни громадное большинство женщин и подростков и вообще мирных граждан Ярославля. А между тем и от артиллерийского обстрела, когда число снарядов нередко доходило за сутки до цифры 1500—2000 штук, и от ружейных пуль, и от пожара — больше всего пострадали и страдают, ведь, они, а не те, кто фактически сражался.

Но они гибли, увя, и не от одной стихии.

Прерывающимся голосом, с блестящими от неизжитого еще ужаса и безумия глазами, рассказывала одна из «блуждущих» коммарию историю о том, как по овладении предместьем победители красноармейцы лезли на улицах гимназистов и реалистов от 14—15 лет и «приваляли» их сгинуть. Плакали женщины, бросались в ноги, сбывали одежду, сапоги. И не только матери, но и совершенно чужды, посторонние... Но... сердце озверевших было мертво. И люди-звери, сбывавшиеся такими от длительной борьбы, спокойно, хладнокровно дбали свое канное дело.

За что? Зачем? Неужели и это нужно для устройства «новой жизни»?

И вот тогда бросались из Ярославля тысячами обезумевшие люди, осевшая дома, квартиры, вещи, теряя семьи, переплывая Волгу, бродя вшкомь... Забывая о всем, лишь бы спастись...

Ярославль опустел; он обращен в пустыню и кладбище. И вот теперь он «взят»... Одни печальны, другие радостно ликуют, свершая тризну по победившим и разстреливая сотнями сдавшихся контр-революционеров, меньшевиков, эсеров и пр.

Но есть и третьи, и как стазы, к счастью, приходилось неоднократно слышать. Они скорбят и обь убитых и еще больше обь убивающих и страстно желают и хотят вбрызнуть лишь в одно: что очнутся люди, что сбросят это колдовство дурмана и загнать внутрь себя и отдадут, наконец, себя отчет в том, может ли быть хорошим такое «новое устройство», которое для своего осуществления нуждается в таких безчеловечных средствах и в таких массовых зверствах и убийствах... * * *

Интеллигенция и народ *

(Окончание).

III.

Есть еще другая область, в которой полная отчужденность нашей интеллигенции от русского народа сказывается столь же резко, как проявлялась она по отношению к предшественной.

* См. № 1 (7) и № 2 (8) с. гда.

Одна из самых отличительных и светлых свойств нашего народа заключается в его природном добродушии и незлобности, могущих обеспечить мирное, безблужденное и самостоятельное дальнейшее развитие его жизни, как духовной, так и материальной. Наш русский народ, быть-может, больше, чем какой-либо другой, по природу своей обладает тем, так называемыми, христианскими добродетелями, которые могут сделать его способным спокойно и без задора на деле осуществить мирную, братскую и, вместе с тем, свободную жизнь, основанную на любви и единении. В этом, по видимому, его миссия среди других народов, более «культурных», но до сих пор не сумевших воплотить на практике те основы равенства, братства и свободы, которые они так давно и так торжественно в теории провозглашают. А между тем интеллигенция наша, пропитанная западно-европейскими заблуждениями, вот уже сколько времени как лезет воя, чтобы, по призыву заграничных социалистов, прийти к русскому народу безумное и злое понятие о классовой вражде и вызвать в нем те самые чувства зависти, ненависти и жадности, благодаря которым европейские народы до сих пор не сумели достигнуть чего-либо похожего на истинную свободу. И грустно, невыразимо грустно и больно присутствовать при том, как эта проповедь злобы и порока, это возбуждение в народ самых низменных, животных инстинктов постепенно достигает своей цели, и как зарза эта его захватывает, уродуя чистой и светлой облик его души.

Но тот, кто знает, чувствует и любит душу русского народа и вбрыз в конечное торжество добра и правды, не станет сомневаться в том, что, рано или поздно, но в конце концов истинная природа нашего народа возьмет свое и выидет победительницей из этого тяжкого испытания. Нам же, умбующим ибрызть то, что есть в народ действительно хорошее, надлежит, разумеется, дбать все, что в человеческих силах, для противодействия тому духовному и нравственному яду, которым из нашей же среды «слепые вожди слепых» отравляют народное сознание. Народ наш, хотя и поддаваясь, как и не может быть иначе, в большей или меньшей степени этому развращающему воздействию, одновременно с этим проявляет несомненные признаки неудовлетворенности той гнилой пищей, которой его кормят, и — голода по истинной духовной пище. Он напряженно ищет того, что могло бы восстановить его внутреннюю силу и оживить в нем то святое, божеское, чем он сам больше всего дорожит. В том, чтобы подбрызть с ним этой пищей, которую у нас руки так полны, что мы с ним не умбем справиться, лежит самая настоятельная наша обязанность, и быть может, единственное, в настоящее время, оправдание нашего существования.

О необходимости замбны возбуждения классовой вражды в народ проповедью взаимной терпимости, любви и единения хорошо говорится в той же прекрасной статье «Что дбать?» *

«Но вот, что замбчительно. Руководители крайних партий, подхватив народную глубину и праведную мысль, сделали ее неузнаваемой. Как я уже говорил раньше, у нас интеллигенция, привыкшие жить в книгах и с книгами, все лучшие чувства превращают в идеи. Они проповедуют «братство народов», «братство людей», — и во имя тех идей свой ненависть даже между братьями по крови. Всем кажется, что тот, кто проповедует «братство народов», должен ненавидеть того, кто проповедует какое-нибудь другое братство. Почему? Ведь братство нужно проповедывать не с оружием в руках и не с искаженным от злобы лицом! Ведь оружие и озлобление убивает всякое братство!..»

«Мы не прислушиваемся к голосу народа — и народ перестает нас слушать. В страшно трудный исторический момент люди одной страны, одного отечества начинают не помогать, а мбывать друг другу. Мы не хотим отказаться от привычных своих идей, идем на уступки против воли в сознании того, что нас принудила грубая сила отречься от высоких идеалов. Народ это чувствует и не вбрызть нам. Ему кажется, что мы, не имея возможности на силу отбрызть силой, как это дбало старое правительство, притянулись и ждем той минуты, когда можно будет отбрызть от ненавистной опеки и даже, быть может, отомстить своему опекуну. И опять ненависть, подозрение, вражда. Вместо того, чтобы дбать общее дело, мы спорим, ссоримся, даже иной раз уже деремся...»

«В такие эпохи, как настоящая, интересы всех десятков миллионов людей, населяющих огромную Россию, — как какими бы народностями, классами, исповеданиями, сословиями они ни принадлежали, до такой степени близки, что только слепой или безумный может говорить о розни и свать вражду. Нам необходимо сплотиться прежде всего, не нена-

* «Христианская Мысль», № 7—8 1917 г.

видеть и мнать, а любить друга и работать на одно общее дело. И в этом мы, писатели... мы люди мысли и слова, люди духовного плана, должны показать пример другим. Пусть забывают нас воли ярости и бешенства, кажда-мья выстрадав прорвавшимся через плотину вешними водами песнями-и по своим разрывам революции,—мы должны оставаться спокойными и твердыми. На ненависть и терпимость мы должны ответить любовью, твердостью и терпимостью. Пусть в наших действительных грехах и ошибках примешаются и минимы—это нас не должно осуждать. Пусть стоишь с нами рядом отворачивается от нас—это нам не должно мнать... Мы должны не упускать из виду, что ненависть и вражда могут погасить только любовью, грубость—кротостью. И что, наоборот, рвений, гнивший отпор еще больше разярить тех, кому с нами по пути и кто лишь до времени и по слепоте человеческого этого не видел. Вот по чему я начал свою статью с откровенного признания во многих ошибках и грехах. Ибо только тот, кто видит свои грехи и бремя во своем глазу, может стерпеть чужой, да и бремя толк в глазу ближнего. Нам нужно отказать от высокомерия—это даст нам возможность исполнить свой гражданский долг. Будем учиться у народа, и народ будет учиться у нас. Будем прощать его грехи, и он нам простит наши. И тогда, может быть, нам удастся достигнуть той великой цели, о которой мы мечтаем. Достоинство сказать, что русский человек—это всечеловек, в противоположность немцу, французу, англичанину. Хочется верить, что великий писатель был прав. Хочется верить, что в проявлении русских народов отращиваясь к войне сказываются те его черты, которая в нем видят Достоевский, и та его правда, которую возмущал Толстой. Но прежде, чем обращаться со словами мира и любви к народам Европы, мы должны погасить нашу внутреннюю вражду. Это—первое и самое важное для нас дело. Когда мы испились сами, можем быть нам удастся исклбить и других.

Не следует также упускать из виду и то, что несочувствие и даже враждебное пренебрежение, проявляемое народом по отношению к интеллигенции, имеет своим источником не только ее прошлые грехи перед ним, но и то истинно плачевное зрелище, которое в настоящую минуту является собою передовые представители интеллигенции, почти все поголовно увлеченные политической борьбой. В своем деле, в их лиц народ видит собрание людей не только жизни своей совершенно оторвавшихся от него, но и между самими собой находившихся в постоянной и непримиримой вражде. Интеллигенция разбита на бесчисленное количество непрерывно взаимно спорящихся и бранящихся политических партий. Каждая из них всеми силами и средствами старается выжить и выжить, что она одна действительно печется о его благо и что все остальные партии заблуждаются и руководимы людьми, иными только своей личной выгодой. Так выставляют себя перед народом все эти взаимно враждующие группы интеллигентов, складываясь единственно в самом своем роде, а именно—в том, что грубейшим образом лгут народу, стараясь его задобрить, и проповедают ему и ту же классовую борьбу, как единственное средство достижения народов того, что ему нужно. Тогда естественно подается этой лести и заражается этой враждой. Но наиболее серьезные и мыслящие представители народа отличают сознание, что обращаются к словам низинным их свойствам. А от этих-то именно наиболее рассудительных людей в каждой среде, в конце концов, зависит ее общественное мнение. Демagogи могут высказываться среди наименее уравновешенной части народа самые дикие вещи в течение больше или меньше продолжительного времени; но внутренний духовный рост народа, а следовательно и вся его будущность создается наиболее разумными его представителями. А в глазах этих последних современное состояние нашей передовой, политиканствующей интеллигенции,—той, которая больше всего на виду у народа,—представляет не толь и истинное, но прямо складывающееся зрелище какой-то отчаянной взаимной свалки и потасовки. Трудно ожидать, чтобы наш народ променя уважением и доверием к нашей интеллигенции раньше, чем она очистится от этого политического дурмана и придет к более уравновешенному и благоприятному состоянию.

Говоря об отношениях между интеллигенцией и народом, не следует забывать и того, что для устранения взаимных образований и разрывов и разницы между ними достаточно одной только доброй воли и сильной толк усталой в этом направлении со стороны интеллигенции. Необходимо, чтобы и народ вышел на истинно взаимную примиренность. А для этого ему нужно освободиться от исторических предвзвешенностей, мешающих ему видеть вещи во их истинном свете.

То, что рабочий народ, после своего вѣкового порабощения привилегированными классами, испытывает горечь против интеллигенции и буржуазии—это вполне понятно. И на этом действительном чувстве истража политическими агитаторами из интеллигенции, подливая масла в огонь. Но это еще вовсе не значит, что действительно гибель рабочего народа обуславливается.

Народ, вѣрнее, был порабощен; но порабощен он был оттого, что рабствовал. Рабствовал же он потому, что был темен, что не хватало у него истинного просвещения. Тем же не менее новинки его перед тем, кому он позволял распоряжаться собою, иная разорвавшаяся интуиция не только на него самого, но и на всех. В те времена среди подростков и молодежи за интеллигенции, которая рабочий народ постоянно прислуживала, она исполняла все их требования, удовлетворяла все их прихоти, ради дешевой платы или другой материальной выгоды. Справедливо ли, разумно ли сердаться на тех людей, которые сами разоряли своих подчиненных и потасовались? Если бы они отныне бедовали своих детей в такой степени, в какой рабочий народ баловал своих «господ», то никто не стал бы осуждать детей за то, что из них вышли бездельники. И наша бы, что виноваты отныне. Точно так же и по отношению к тем классам, которые народ до сих пор содержит в качестве паразитов на своем теле, было бы несправедливо и неразумно осуждать их за то, что сами народы их разорили и развратили.

В настоящее время, когда народы, благодаря пробуждению в нем сознанию, получили возможность освободиться из-под гнета тех, кто его эксплуатировал, ему следует помнить, что его дальнейшая судьба находится уже всецело в его собственных руках. Мы пожелали бы, чтобы рабочий народ настолько многозначително представлял себе других классов, чтобы видеть, что он имеет полную возможность устроить свою жизнь так, как он сам желает, и установить такую ему заблагоразсудится норму отношения к этим классам. А потому если дело не сразу наладится, то теперь это будет никак уже не по вине интеллигенции или буржуазии, а единственно потому, что у самого рабочего народа не хватает взаимного согласия или умения устроить по-хорошему свою собственную жизнь. И пенять ему уже не на кого, а нужно только заняться своим саморазвитием и улучшить своей собственной жизни. А потому самое понятие о какой-то классовой вражде является, при теперешних обстоятельствах, столь же безразумным, как и несправедливым.

Главное же то, что человеческая жизнь вообще, а следовательно и жизнь рабочего народа, во отличие от жизни чисто животной, не может и не должна быть руководима одними только материальными интересами, как хотят уверить народ различные социалистические учения. Благо и счастье человека вовсе не исчерывается тем, чтобы он был сыт, одет, обуш и располагал просторным и теплым помещением. В особенности не может удовлетвориться этим идеалом русский человек. Недаром в русском языке народ сложил такие пословицы, как: «Жизнь для духа, а не для брюха», «Прихо пасть, с ним пропасть», «Душа тала дороже», «Живя люлять, не себя», «Человек дороже хлеба», «Правда в лаптях, кривда в сапогах», «Моща пуста, за душа чиста», «Деньги много могут, а правда царствуют» и т. п.

После совершившегося переворота русский народ получил возможность обеспечить себе необходимое материальное благополучие. Это хорошо, но этого еще недостаточно. Человеку, кроме внешнего благополучия, нужно и внутреннее, духовное благо. А внутреннее благо достигается только тогда, когда он в мир с самим, в мир с Богом, с собой и с людьми. Никто лучше простого русского народа не знает этой истины. И никогда народ наш не удовлетворится тем животным благополучием, которым прельщают его представители со стороны буржуазии и интеллигенции. Душу никто не навратит из русского народа. В свое время он покажет свое. Тогда народ увидит, что теперешние его политические вожды так же ему нужны, как до сих пор была ему чужда и вся та интеллигентная среда, из которой они вышли. И как сумеет народ, вопреки желанию интеллигенции, превратить свое участие в войне, когда он получившая безмятежность этого дела; так же точно сумеет он смонуть с себя и привлекшему интеллигентной западно-европейской парити о классово-вражде, когда покажет все безуделье этого сумбура.

А для того, чтобы ускорить это просветление народного сознания, необходимо, чтобы те люди, как из интеллигентной, так и из народной среды, у которых глаза открыты, забыли свои прошлые взаимные разладности и обиды и дружно, по-братски принялись за совместное совершенствование своей жизни.

Как и по какому пути должны и представлять улучшение

не взаимныхъ отношеній между интеллигенціей и народомъ— это раскроеся само собой, въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Была бы лишь охота съ обѣихъ сторонъ.

Май 1918 г.

В. Чертковъ.

Изъ жизни.

Китаецъ и милиціонеръ.

Душный и знойный июньскій день выгнать къ вечеру гражданъ на улицу. На тротуарахъ, на ступенькахъ подъѣздовъ кучки истомленныхъ, уставшихъ людей. У фонарнаго столба, прислонившись, стоитъ одиноко грязный, молодой, исхудавшій китаецъ.

Я подхожу къ нему и по-китайски здороваюсь. Онъ вскидываетъ изумленно глаза.

— Здравствуй! Откуда ты знаешь китайскій языкъ?

— Я былъ въ Китаѣ. Когда-то зналъ, а теперь многое уже позабылъ. А ты хорошо говоришь по русски?

— Мало-мало.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ничего.

— Какъ такъ? Такъ зачѣмъ же живешь?

— Куда же мнѣ дѣться? Привезли насъ сюда, обѣщали работы. А теперь шестой мѣсяць и работы нигдѣ нѣтъ, и проѣхать нельзя. Что же мнѣ дѣлать?

— Но, вѣдь, ты не одинъ. Шель бы къ другимъ китайцамъ, и устраивались бы вмѣстѣ.

— Да насъ тутъ много. Но и другіе тоже голодаютъ, какъ и я. Нѣкоторые не выдержали и поступили къ вамъ, русскимъ, въ солдаты.

— Въ какіе солдаты? Куда?

— А въ красную армію. Есть китайскій отрядъ. Хорошо кормятъ и платятъ большія деньги.

— Что же, всѣ они большевики?

— Нѣтъ. Просто голодные люди.

— Ну, а отчего же ты не пошелъ, если тамъ такъ хорошо?

— Я не могу. По-моему, чѣмъ въ красную армію, то лучше прямо на большую дорогу. Вѣдь, они идуть-то зачѣмъ?—Грабятъ, стрѣляютъ. Ну, такъ лучше взять просто ножъ и разбойничать.

— Вотъ ты какъ смотришь!.. Ну, а своимъ товарищамъ ты тоже такъ и говорилъ, какъ и мнѣ?

— Говорилъ. А они отвѣчаютъ: ну, что же, знаешь самъ, что не отъ хорошаго житія пошли на это дѣло... А я не могу. Пусть лучше помру съ голода, а все-таки не пойду.

— Вотъ ты какой! И много васъ такихъ!..

— Не успѣвъ онъ отвѣтить, подошелъ милиціонеръ.

— А—а! Ходя, здравствуй! Здравствуйте! О чемъ это вы говорите?

— Да вотъ, онъ жалуется, что и жить ему нечѣмъ, работы нѣтъ, и домой, въ Китай, его не пускаютъ—нѣтъ проѣзда. Я его спрашиваю, почему онъ не пошелъ съ другими молодыми китайцами въ красноармейцы, а онъ отвѣчаетъ, что не можетъ на это пойти, лучше, по его мнѣнію, идти открыто въ грабители.

— Ну, нѣтъ, ходя, такъ не говори. Съ голоду не то, что въ красную армію, а куда угодно пойдешь.

— Да вотъ и онъ говоритъ, что его другіе товарищи ушли тоже съ голоду.

— Ну, да. А кто бы иначе пошелъ? Взять хотя бы меня. Вотъ я милиціонеръ. Да развѣ, если бы я могъ найти другую, настоящую работу, меня кто заставилъ бы служить милиціонеромъ? Ни за что! Я солдатъ. Былъ три года на фронтѣ, 4 раза былъ

равенъ. Вернулся, дома жена, маленькій ребенокъ. Сунулся на одну фабрику, на другую, вездѣ полно, не принимаютъ. Зовутъ въ красную армію. Говорю—не пойду. Ну, какія были деньженки—около 1000 руб., всѣ прожилъ. Что будешь дѣлать? Нанимаютъ въ милицію—пошелъ, нанялся... А все-таки противъ народа я не пойду и очень притѣснять его я не буду.

— И многіе изъ милиціи такъ смотрятъ?

— Да почти всѣ... Мы—голодные, развращенные люди... Такъ жить больше нѣтъ силъ. Да вотъ говорить-то открыто опасно...

— Почему?

— Много донощиковъ. Такъ и шныряютъ. Чуть-что—въ комиссаріатъ, и арестъ.

— Такъ какъ же ты не боишься разговаривать съ незнакомымъ человѣкомъ, напримѣръ, со мной?

— Ну, да я съ вами говорю-то, вѣдь, съ глазу на глазъ. Такъ-то неопасно...

— Мнѣ пріятно было слышать то, что вы говорили. И я объ этомъ хочу написать.

— Гдѣ?

— Въ «Голосѣ Толстого».

— А—а! Знаю, однажды видалъ. Рѣдко только попадаетъ онъ въ руки. Такъ вы, значитъ, «толстовецъ»?

— Нѣтъ. Я и не «толстовецъ». Да это и невѣрное и глупое названіе. Но я знаю людей, которые были близки къ Толстому и занимаются распространеніемъ его мыслей и его писаній. Этому же дѣлу служить и журналъ «Голосъ Толстого»...

— Ну что же, если, по-вашему, стоитъ, то напишите. Только прошу васъ, не называйте меня по имени, а то, вѣдь, прогонятъ со службы.

— Что вы, помилуйте. Развѣ я зачѣмъ хочу писать, чтобы васъ прогнали! Наоборотъ, по-моему, то, что вы говорите, все это и очень интересно и важно для другихъ людей.

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и расстались. Китаецъ же ушелъ еще раньше, не дождавшись конца нашей бесѣды.

Толстой и насиліе.

Отчего революціи и жестокость ихъ? Оттого, что насиліе властвующихъ учить суевѣрію устройства насиліемъ.

Жестокости всѣхъ революцій—только слѣдствіе жестокости правителей. Революціонеры понятливые ученики. Никогда свѣзнымъ людямъ не могла бы прійти въ голову дикая мысль о томъ, что одни люди могутъ и имѣть право силою устраивать жизнь другихъ людей,—если бы всѣ властвующие люди, всѣ правители, не обучали бы этому народы.

Трудно найти въ наше время человѣка, который за самую большія выгоды, деньги или даже для того, чтобы избавиться отъ самой большой бѣды, рѣшился бы убить беззащитнаго человѣка. А между тѣмъ при смертныхъ казняхъ самые кроткіе, миролюбивые люди признаютъ необходимость убійства людей, участвуя въ нихъ составленіемъ законовъ, судами, военной службой. Отчего это? Оттого, что люди эти подпали суевѣрію о томъ, что одни люди могутъ распоряжаться жизнями другихъ людей.

Если можно для хорошаго устройства забирать людей въ солдаты и велѣть имъ убивать братьевъ, то нѣтъ уже ничего недоляжнаго, все можно.

Путь жизни. (Изъ вышесказаннаго по цѣнур. услов. отрывокъ.)

„Всюду жизнь“.

Советь говорить.

Вь вагонѣ полно народу—женщины съ дѣтскими, мѣшечники, солдаты. На самой верхней полкѣ—молодецкой солдатъ поеть. Я засыпаю, а его грязныя пѣсни, одна хуже другой, не даютъ мнѣ забыться. Жалко ребятиншекъ, неловко передъ женщинами. Вотъ тебѣ и «въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божья». Есть ли Божья искра у него? Я не видѣлъ въ немъ просвѣта. И самому стало тоскливо и тревожно.

Проснулся рано; всё спячь. А вчерашній вѣнецъ лежить подъ потолкомъ, оперся на руку, курить. Полкомъ ниже подъ нимъ завалился покойникъ солдатъ. У него почти сѣдая борода, простое крестьянское лицо. Не привилась къ нему военщина. Молодой свѣдѣлся.—Не спишь, отецъ?

— А тебѣ што?

— Сонъ я сейчасъ видѣлъ, вотъ и хочу поговорить съ тобой. Видишь ли, дѣло-то какое. Въ Москвѣ я служилъ и спознался я тамъ съ одной... а теперь бросилъ ее. И приснилась она мнѣ: будто сижу это я въ казармѣ, и вдругъ вылезаютъ меня. Вышелъ я, гляжу, стоитъ она, да такая печальная, молчить и все смотреть на меня. Засовѣтился я, и жалость взяла, не зная, что и дѣлать. Вынимаю трешинку и даю ей, а она отбросила мои деньги, покачала головой, будто съ укоромъ, а у самой слезы такъ и бѣгутъ. Тутъ я совсѣмъ заробѣлъ, жуть на меня напала, и проснулся я. И сейчасъ она изъ головы нейдетъ, обидѣлъ я ее.

— А изъ какихъ она была-то? Не гулящая?

— Куда тамъ! Дѣвка скромная, не балованная; это что и говорить.

Старикъ солдатъ ожинился:

— Выносить ты выходишь, родной, не по совѣсти поступилъ съ ней, вотъ тебѣ и думается все... нельзя такъ... надо жениться.

Молодой покачалъ головою.

— Да, отецъ, ты правильно сказали; грѣхъ покрыть надо.

Я слушалъ и радовался. Сердце наполнилось свѣтлой увѣренностью, потому что я увидѣлъ свѣтъ. Онъ всегда и вездѣ съ нами и тѣмъ не обманяетъ его.

Страдать или насильничать?

Стою съ ведрами въ толпѣ у крана городского водопровода. Въ городѣ тревога. Хотяжъ нелѣпые слухи, что болшевики запечатають монастырь, а мощи въ музей свезуть. Особенно полуются женщины.

— Сейчасъ у Пятницкой церкви двоихъ убили,—разъяснять было начали,—а сами видно изъ жидовъ либо изъ баптистовъ, а можетъ и ибаци ихъ послали, ну, ихъ на мѣсть же уложили; такъ мозги и полетѣли... А то до святыхъ угодниковъ уже стали добираться.

Я разговорился съ ними.

— Хорошо же вы почитаете угодниковъ. Вѣдь они потому то и святы для насъ, что всегда стояли за правду, за любовь, много перенесли страданій за это, сами боролись съ неправдою только добромъ, потому что хороший человѣкъ никогда не будетъ насильникомъ и гонителемъ. А мы вѣсто того, чтобы слѣдовать за ними, за тѣми, кого сами же чтимъ, оскверняемъ память ихъ дикими выходками, насильями.

— Это правильно,—отозвался кто-то.

И по лицамъ стоявшихъ видно было, что имъ чужды ненависть и насиліе, а любовь къ правдѣ Божьей, добре, истина и свойственны, и милы имъ.

И всякія суевѣрія и государственныя и церковныя славы и исчезаютъ передъ свѣтомъ истины и любви.

В. Медвѣдковъ.

Июль 1918 г.

Мысли о современной жизни.

(Изъ записной книжки).

На душѣ тоска. И не отъ того, что болшевики—искренне и неискренне—и присоединившаяся къ нимъ банда грабителей, лѣнтяевъ и проходившихъ,—устраиваютъ въ Москвѣ и Петроградѣ по всей Россіи захваты, погромы, убійства и грабежи, а другая часть населенія—эсеры, монархисты, анархисты, мѣшечники, кадеты—борются съ ними за власть или порядокъ, какими они себѣ его представляютъ—каждая партія по своему, и не отъ того, что вся остальная масса населенія съ ужасомъ, часто съ ненавистью, съ тоской, а подчасъ и съ безразличнымъ чувствомъ ждетъ конца всей этой кутермы, тѣмъ же страхомъ,

что и мой часъ придетъ претерпѣть въ этой перестрѣлкѣ, и усюканная себя тѣмъ, что емоя хата съ краю, а подъ часъ и стараюсь урвать, что плохо лежитъ, въ этой разрухѣ, соображая, что все равно, не я, такъ другой приберетъ, зачѣмъ же мнѣ дуракомъ быть, не пользоваться случаемъ,—не отъ этого только—тоска шемшая, безнадежная, а отъ того, что вообще какъ-то пошатнулася вѣра въ человѣка.

Десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ казалось, что, если далеко не всѣ, то огромное озъавище во думать и говорить по обывательски, какъ приятно начальству, только потому, что это болшинство невѣжественно, не знаетъ правды; не знало же оно ее потому, что правительство назѣбрено держало народъ въ невѣжествѣ и тѣмъ. И тогда казалось, что кузая работа для выясненія сознания людей, что необходимо понять то, какъ и чѣмъ являеть человѣкъ, какъ долженъ жить онъ лучше, въ чемъ зова Б-га. И казалось, что душа человѣка вотъ-вотъ пойметъ это и раскроется, и человечество приблизится къ новой, счастливой жизни. Царство Божіе на землѣ станетъ ближе къ намъ, и это давало силы для работы.

Были тогда пробудившіяся души, стремящіяся къ общему благу. Пусть онѣ ошибались, пусть однимъ казалось, что нуль другихъ ложеть, но онѣ стремились къ общему благу, онѣ приносили въ жертву ближнему свои силы, свою работу, подѣ-чась и свою жизнь. И съ благоговѣніемъ произносили ихъ имя, радуешься, отдыхаешь душой, что есть работники на швѣ Божьей, хотя для многихъ изъ нихъ и имя Бога не нужно, даже можетъ быть ненавистно—все равно они служили Богу, каждый по своему, забывая себя для блага другихъ.

Въ 1904 году пришла огромная человѣческая бойня—японская война, и все, что мыслито, все, что боролось съ тьмой, всей душой возмущалось ею. Правда, кое кто сталъ говорить о желтой опасности, о востокѣ, грозившемъ цивилизации запада. Газеты, даже либеральныя, начали подпускать патриотизма и ненависти къ японцамъ. Все это было, но казалось, что съ одной стороны намъ велеть такъ писать, что не всѣ эсеры, что между строкъ газеты все же стараются написать что-то, чтобы сколько-нибудь высказать истинныя причины войны, съе отрицательное отношеніе къ ней, что за войну правительство и грабители, а общество противъ, и народъ идетъ на войну лишь потому, что ему страшно отказаться отъ, страшно тюрьма и казнь. Думалось, что ужасы войны, тотъ отвратительный обманъ и грабежъ, который такъ беззастѣливо выказался даже въ ту японскую войну, отвореть глаза на безсмысленность и ужасъ не только войны вообще, но на преступность всякаго насилія, всякаго подчиненія правительству въ дѣлахъ противныхъ нашему сознанию, нашей совѣсти. И самыя поражения русскихъ, если забыть горе безумной тѣжести отъ потери этихъ молодыхъ, сильныхъ сыновъ-Божьихъ, работниковъ человечества, самыя поражения эти казались хорошими знаками.

Кончилась война, заставившая задуматься многихъ, заставившая понять многое, и началась революція 1905 года. Сначала грандіозная, наполнившая радостью и надеждой на правильно выросшее сознание народа—всеобщая забастовка. Все встало. «Мы не будемъ дѣлать того, что противъ нашей совѣсти», казалось, говорили эти забѣвше по домамъ рабочіе люди, рискующіе всѣмъ,—«мы хотимъ жить въ болѣе человѣческихъ, болѣе справедливыхъ, болѣе братскихъ условіяхъ жизни. Мы не хотимъ крови и насилія, дайте только намъ возможность жить сколько-нибудь похоже на жизнь людей, не забирайте себѣ одни права, оставьте намъ одни обязанности».

...Казалось хорошо, удивительно хорошо, что огромное болшинство рабочего городского люда, безъ крови, безъ явной ненависти, безъ насилія потребовало себѣ, всѣмъ работающимъ, равныхъ правъ и равныхъ обязанностей, что оно сознало, казалось, необходимость дать всѣмъ право свободно вѣрять, свободно говорить, что болшинство рабочего класса перестало быть стадомъ барановъ, исполняющимъ и помогающимъ исполнять предписанія кучки насильниковъ.

Но революція мирная продолжалась недолго. Брешны были толпѣ крики ненависти, призывы къ насилію, крови и мести. Ихъ бросили провокаторы, а подхватили молодые, горячіе, легкомысленные вожди революціи. Или разожгли подова общества, и началась рѣзня, бойни, тотъ ужасъ революціи и усмиренія революціи, о которомъ годами нельзя было вспомнить безъ содроганія передъ извѣстью, забрѣтвомъ человѣческой природы, передъ преступностью правящихъ и властвующихъ, передъ легкомысліемъ и безумнымъ тиеславіемъ вожаковъ-рабочихъ, желавшихъ удержатъ въ своихъ рукахъ массы, передъ слабостью увѣдений рабочихъ, ихъ вѣры въ силу братства, единенія.

Революцію подавили, но за время революціи и въ первое годы послѣ нея, столько было напечатано добраго, будившаго сознание людей, столько было прочтано, столько было услышано, столько пережито, что казалось, что сознание народа, не говори

уле о сознании его вождей, должно бы вырасти, должны бы дать плоды ть тысячи, миллионы ростков, которые были посеяны за дни свободы.

Но где же они? Прошли года, брошюры, книги по общественным и религиозным вопросам уже не только были опиты заперцами, но и спрос на них с каждым годом все падал. Читальни и библиотек не могут достаточно закупить «Синихых» и «Ключей счастья»; «Гинкертонь» продается на каждом перекрестке. Витрины магазинов полны отвратительными открытками; кричащи вывески заманивают в кафе, кабаре, театры мимодоты и кинематографы. Одни передь другими завлекают они старух и молодых, мужичи и женщины пошлыми, грязными архаичными насилья, грубого обмана и мизурным блеском.

Где же пробужденное сознание массы, где же плоды пережитых страданий, передуманного, переиспытанного, слезанного, выданного? Где они? Почему передь кассами кинематографов хвосты, почему вь вечерних классах пусто, нть постоянных слушателей, ни учителей? Почему среди этих учителей во всех общественных работах и комиссиях работают все они и ть же старухи, нть имь смьна? Где же молодежь? Где ть, кто на зарь жизни услышал слова правды, братства, равенства, так горячо отдался имь, так самоотверженно строил баррикады? Душа их надломилась, преждевременно развернувшийся цветок, не расцветший, вяла вь добро, вь служение братьям-людям, нть вь торжество истины была разбита, загнана. И вместо служения людям, они стали служить себе, своим желаньям, страстям и слабостям; и расплодился кабаре, кинематографы, танго и пр. и пр. пошлости и грязь.

И пришла вновь война, ужасная, неслыханная... Варугь, вь одинь день наши соседи, друзья, образцы для подражания — стали сразу называться нашими врагами, скоплением всякой золь и мерзостей, тьми, оть уничтожения которых, или по крайней мьрь, оть разгрома которых, зависит счастье всего человечества, культуры, вьшний мирь. — все блага, кь коимь только может стремиться человек. И почему же так случилось? Только потому, что ть, кого мы привыкли считать душителями света, братства, равенства и свободы — наше правительство и люди ближние захотели этого, взмахнули палочкой и весь хорь заглох под движением этого ужасного дирижерского смычка то, что нужно было канцеляристам. Затьмь все, все одурели, все потеряли свои собственные мысли, которые прививались, казалось, вьками, и то, что казалось черпалом вчера, стало блянямь сегодня и наоборот. Друзья стали врагами, учителя — преступниками, убийство — героизмом, война — не бойней и преступлением, а святым дьлом, обман, насилье, грабеж, убийство — все стало допустимым, все свято, лишь бы уничтожить того, кого стали считать по чужой указкь врагом. И все ть, кто вчера еще так ясно и твердо говорил о недопустимости войны, о преступности власти и капитализма, втраивающих народы вь бойни ради наживы и поддержания своей власти, ради отвлечения оть себя негодования и недовольства, все стали варугь так или иначе вь ряды борющихся, пугая друга друга силой бронированного кулака, милитаризацией мира, насильными врагом и пр. и пр., забывая одно, что сами-то они превратились сейчас вь тот же бронированный кулак, который страшен для человечества, сами-то они, разжигая ненависть и страх кь другому народу, — работают надь милитаризацией того населения, которое се не знало, сами-то они губят, насилуют, жгут, убивают, разоряют сотни тысяч, миллионы людей для того, чтобы избавить будущее человечество оть войны и насилья, которых и так может быть не было бы.

Так все кругом изменили свои взгляды, так увлеклись участием вь этомь безумномь истреблении одних людей другими, такому множеству людей эта война оказалась выгодна, что казалось нть конца этой бойней, нть конца ей оправданью, восквалению даже, нть конца вадорнымь, бездельнымь надеждамь на добрая ея последствия.

Правда, еще теплилась малая надежда, что виноваты во всемь все-таки правительство, капитал, властвующе классы. И воть рухнуло правительство царя, рухнуло правительство капитала, за ними пало и правительство буржуазии, и воть мы вь руках социалистов, а теперь даже вь руках, какь будто бы, народа и рабочих — того самого пролетариата и крестьянства, задланного, темного, но все же носящего вь себе здоровое зерно — стремление кь добру, правдь, братству народов, единству. Да такь ли это? Снова безумное насилье, дикое озлобление, всехь противь всехь, снова кровь, снова ложь газет и вождей, снова заплата рты у девяти десятыхь всехь, могущих говорить, снова страх и ненависть кь захватившимь власть и насилующимь. Но уже насилуют и властвуют ть, надь которыми властвовали, которыхь насилуют. Насилья, ненависти, лжи, злобы стало не меньше, а пожалуй еще больше. Все стали друг другу врагами, всехь кипит ненависть, раздражение — и вызванное ложестью перенатого и пережженного и дьятельно еще

разжигаемое тьми, кому они нужны, кто всплывает теперь на гребень волны, чтобы властвовать, править.

Что же это такое? Столько пережить, столько переболеть, передумать, перестрадать, свергнуть одну за другою рядь властей, бороться сь разными врагами при разныхь руководителяхь, захватить власть вь свои руки — и все это только для того, чтобы вновь лгать, повелевать, грабить и ненавидеть. Кь чему же все это? Не все ли равно человечеству — насилует ли Петр Иван или Ивань Петра, не все ли равно грабить Сидорь Карп или Карп Сидора, не все ли равно, кто страдет? Человекь е-стну нужно, чтобы не было насилья, не было ненависти, злобы, чтобы люди сознали, что они братья, сыны Бога, что во взаимной любви, поддержке, равенстве и братствь благо каждого и всехь. Кьмь бы не нарушалось братство, равенство людей, одинаково это преступно, одинаково тяжело. Неужели не придет то время, когда человечество скажет: «Довольно всякой крови, всякого насилья, всякой вражды, не надо никакой власти, никаких вождей. Да будеть одно, кто руководить нами — наша совесть, наш разум. Ихь каждый изь нась должет слушать. Никто не виноват вь моихь поступкахь, кроме меня самого, никто не отьчаает за нихь. Никакой дурной поступокь не поведет кь Славой ильи. Никакое насилье и зло не дадуть свободы и добра».

Когда думаешь о томь, что пережито за все эти бесконечно долгие 15 леть, думаешь о незаконныхь статьях и рьчахь, стремящихся доказать, что ужасы войны заставять отказаться оть войны, что люди вь борьбе научатся единению, что, испытав ярага, научаются любить друзей и т. д. и т. д. — то знаешь одно, что все это ложь, честийшая ложь, и дай Бог, чтобы безсознательная. Война и революция и ненависть кь врагу и вьшний убийства, грабежи и насилья притупили наши нервы, наше сознание, развратили нас, приучили терпеть всякия насилья, приучили кь крови, лжи, грабежу и на десятки леть отодвинули даже ту нравственную ступень, тоть страхь грьха, убийства, лжи, которыми мы жили до Японской войны, до первой революции.

Эта посльдняя война, втянувшая миллионы людей и развращавшая десятки миллионов ихь вьльхь три года, оставит такое страшное наследье человечеству, сь которымь (вь гиль богзнаей, пороковь, преступлений, взаимной вражды) покончить за покончитьсь придется бороться десятки леть. Эти днь революции такь сь влеча, легко, необдуманно рьшающей путемь насилья и лжи вьками сложившихся социальных, экономических и нравственных вопросов, открылась на обмануть или безсознательная масса народа и на не знающую жизни молодежь, — эти революции — увы — надолго подорвуть вьру вь добро, вь правду, вь равенство, братство, а главнее вьру вь брать-человекь, вь его душней стремления.

Опомнитесь же, стремившиеся силой водворить свободу и добро. Опомнитесь, одумайтесь и поймите, что зло и насилье не могут породить ничего, кроме зла и насилья. Только одна правда, только одна любовь и отказ оть насилья дадуть людям покой, позволят одуматься, разобьаться, обдумать свои жизни. И только тамь, где будеть любовь, добрая, взаимное уважение, стремление понять друг друга, тамь только могуть вырасти действительно прочная свобода, равенство и братство.

Е. Горбуева.

Толстой о пророчествь Христа.

«Пророчество совершилось, и все люди, даже самые тьлесные, менее всего религиозные, видят (и уже не вь одномь своемь представлении, но вь действительномь в), что они погибнут на томь пути, по которому они шли и на которомь Христось предсказывал кь гибели, и спасаются только на томь, на который онь призывал ихь, обещая имь благо».

Одумайтесь и вьруйте Евангелию *) иначе все погибнет, говорит Христось 1800 леть тому назад. То же самое говорит онь и теперь; но только сь тою разницею, что тогда пророчество еще не сбывалось, а теперь оно сбывлось, и люди стоят уже на краю гибели».

(Из черновыхь Л. Н. Толстого («Царство Божие»).

Человечество вь наше время находится вь мукакахь родонь устанавливающегося Царства Божия, и мука эти неизбежно кончатся родами».

(Из послелетия кь «Жизни и смерти Дроковского»).

*) Евангелие — по-русски: благая вьсть. Прд.

Деревенская жизнь.

(Окончание).

Но дьяконъ все же представлялъ изъ себя постоянный горючий материалъ для всякихъ недоразумѣній. Я придумалъ средство отвлечь его отъ политической дѣятельности, направивъ его на кооперативную работу; по счастью онъ оказался большимъ любителемъ механики и хорошимъ слесаремъ и давно уже возился съ проектомъ открытiя общественной мастерской. Дѣло шло закончилось, и черезъ мѣсяць была оборудована слесарно-столярная мастерская, гдѣ работало пять мастеровъ и пять учениковъ. Завѣдывающимъ мастерской былъ дьяконъ. И вотъ тутъ-то, когда отъ словъ и обещанiй пришлось перейти къ дѣлу, къ практической работѣ, вмѣсто стаднаго стремленiя возвышать личность, началась критика, недовольство, недовѣрiе. Черезъ полтора мѣсяца мастерская, достигнувъ очень хорошихъ результатовъ (въ ней было смонтировано свыше 200 жнеекъ, которые рашше надо было везти за 15 верстъ и платить вдвое дороже), вследствие возникшаго между обществомъ и дьякономъ недоразумѣнiя и недовѣрiя, временно должна была закрыться.

Такъ самъ по себѣ сопеть съ политической сцены человекъ, который, въ случаѣ утраты его физической силой, вызвалъ бы протитъ братской крови, какъ это не разъ было въ другихъ мѣстахъ, а дѣло-то все, какъ видно, и выведеннаго яйца не стоило.

За время моего пребыванiя въ Верхнемъ С. меня разъ пригласили на большое общее собранiе всѣхъ обществъ, входившихъ въ волость. Правленiе находилось въ селѣ Нижнемъ С.— въ семи верстахъ отъ Верхняго С. На этомъ сходѣ предстояло выбрать двухъ делегатовъ на губернской крестьянской сѣздъ и волостного комиссара (наконецъ сомнѣненiе сана дьякона съ комиссаромъ признано было нежелательнымъ). Было воскресенье, въ срединѣ мая. День выдался ясный, народъ былъ свободенъ отъ работъ. Участiе прѣзжаго оратора многихъ привлекло на сходъ. Цѣлыми обозами потянулись жители Верхняго С. по разнымъ дорогамъ, образовавъ пестрые ленты среди сплошного ярко зеленого поля озимыхъ посѣвовъ. Красота природы была чарующая, но это, повидимому, мало кто замѣчалъ. Нюхона переживаемыхъ событий и мелкия домашнiя дѣла поглощали все вниманiе сельянъ. Когда мы прѣехали, было уже много народу, но телеги продолжали подъѣзжать безъ конца. Правленiе было переполнено людьми, скорѣй и весь обширный дворъ былъ занятъ, а народъ все притекалъ. Въ 2 часа дня открылось собранiе. Число людей настолько увеличилось, что предложено было перейти въ прилегающiй ко двору садъ съ рѣдкими большими яблонями. Такъ и сдѣлано. Вынесли большой столъ для трибуны, поставили его среди сада. Народъ размѣстился свободно, каждое общество въ отдѣльный кружокъ.

Руководитъ собранiемъ пришлось мнѣ. За позднимъ временемъ говорить много нельзя было, просили немедленно приступить къ дѣлу, т. е. къ выборамъ, такъ какъ многие прѣехали за 15—18 верстъ. Нужно было намѣтить кандидатовъ, чтобы потомъ выбирать шарами. Начались пренiя, стали выступать одинъ за другимъ ораторы, каждый съ предложенiемъ своего кандидата. Крестьяне Верхняго С. выдвинули кандидатуру дьякона. Противъ этой кандидатуры выступилъ отъ враждебной дьякону партii ораторъ села Нижняго С., обозвавшiй дьякона провокаторомъ, жуликомъ и черносотенцемъ. Въ одно мгновенiе поднялся страшный шумъ и крикъ. Въ воздухѣ замелькали кулаки, палки и шапки. Тщетно прѣдсѣдатель кричалъ, призывая къ порядку, но ничего не помогало. Возбужденные такимъ публичнымъ оскорбленiемъ своего любимца, крестьяне села Верхняго С. стали дерзко оратора съ трибуны и начали съ нимъ кулачную расправу. Жители же Нижняго С. юнулись отнимать своего односельчанина, началась драка. Поднялся невообразимый хаосъ. Кричали женщины, визжали ребятишки.

Видя свое полное безсилiе остановить бунующую вокругъ меня стихiю, я, какъ маленькiй обиженный ребенокъ, горько и громко заплакалъ, закрывъ лицо руками, и должно быть такъ громко, что многие слышали. И вдругъ шумъ вокругъ меня сталъ стихать. Когда черезъ нѣсколько мгновенiй я открылъ глаза, то не вѣрилъ своимъ глазамъ: вокругъ меня все ужъ было спокойно и только въ отдаленiи кое-кто продолжалъ махать руками и кричать. Еще минута, и стало спокойно. Успокоившись самъ, я началъ говорить, уже не о собранiи и выборахъ, а о Богѣ, живущемъ въ каждомъ человѣкѣ, и братствѣ и любви между людьми, о недопустимости подобнаго поведенiя. Наступила мертвая тишина. Въ концѣ я сказалъ, что если только оянятъ выдвинуть шумъ, я немедленно покину собранiе. Всѣ, какъ вѣднъ, обнвали кести себя спокойно.

По моему предложенiю были забаллотированы оба кандидата, изъ-за которыхъ произошла драка, а выбраны два самыхъ ува-

жаемыхъ старика, и изъ каждого села по одному. Эти выборы были окончены благополучно. Но впереди предстояло еще болѣе сложное дѣло—выборы комиссара.

Дѣло въ томъ, что село Верхнее С. имѣло 10 тысячъ жителей и не имѣло волости, а Нижн. С.— всего 7000 жителей и составляло волость (такъ было угодно прежнему начальству). Теперь граждане Верхняго С. хотѣли, чтобы комиссаръ былъ выбранъ отъ нихъ, такъ какъ ихъ больше, а граждане Нижняго С. настаивали на выборахъ комиссара изъ ихъ среды, такъ какъ у нихъ волость. Ни тѣ, ни другiе не уступали, и дѣло опять осложнилось. Но, владѣя массой, уже не такъ трудно придумать выходъ. Я предложилъ каждому селу выбрать своего комиссара, а затѣмъ между ними кинуть жребiй. Кому достанется, тотъ и останется комиссаромъ. Все собранiе—2500 чел.—какъ одинъ согласилось на это предложенiе. Затѣмъ оба села выбирали по комиссару. Я взялъ двѣ бумажки, на одной написалъ «комиссаръ», другая оказалась чистой. Скалили въ трубочки, положили въ шапку. Жребiй должна была тянуть вдова изъ Нижняго С... Собранiе замерло. Но вотъ бумажка вынута, развертываютъ—пустая. «Комиссаръ» остался въ шапкѣ, т. е. у гражданъ Верхняго С. Одинъ изъ присутствующихъ шутливо обратился къ обезкураженной вдовѣ: «Эхъ ты, вотъ что значить баба! Изъ даухъ всего бумажекъ, и то не смогла вытянуть комиссара»... Всѣ смѣются.

Такъ миромъ и даже шуткой закончилось, уже начавшееся было побоище и разрѣшена вторая задача—выборы комиссара. Такой успехъ я приписываю дѣтской слабости плакательнаго прѣдсѣдателя и мягкости и добродушию того простого русскаго народа, въ поголовномъ злѣствiи котораго насъ въ настоящее время стараются убить. И шуту за преступленiя, совершаемые отдѣльными, нами же ослобившимися и развращенными, людьми, взваливаютъ на весь русскiй народъ.

12 февраля 1918 г.

I. Кондратьевъ.

Обмѣвъ мыслей.

Изъ письма стараго военнаго.

Петроградъ, 2 мая 1918 г.

Недавно я получилъ повѣстку съ приглашенiемъ прибыть на годовичное общее собранiе О. И. С. въ память Л. Н. Толстого. Я очень пожалѣлъ, что мнѣ невозможно быть на этомъ засѣданiи и повидать Васъ и Вашихъ друзей, но, съ другой стороны, я и порадовался тому, что въ О. И. С., повидимому, все обстоитъ благополучно, такъ какъ самое содержанiе повѣстки указываетъ на нормальное теченiе жизни общества.

Давно я не имѣлъ никакихъ свѣдѣнiй ни о Васѣ, ни о томъ религиозно-нравственномъ направлени, къ которому принадлежите Вы и Ваши друзья. Между тѣмъ—я это говорю совершенно искренно—я очень часто думаю о всѣхъ Васъ, и мнѣ чрезвычайно, скажу, душевно интересно и настроенiе людей Вашего жизненннманiя въ переживаемое нами безпримѣрное время, и отношенiе ихъ ко всему происходящему вокругъ насъ.

Со времени моего послѣдняго письма къ Вамъ произошло много событий и обнаружилось много явленiй чрезвычайно удручающаго характера. То письмо я писалъ, какъ бы въ предвидѣнiи тѣхъ отрицательныхъ проявленiй низкихъ сторонъ человеческой души, которая стала теперь такъ обнвнма у насъ, и тогда мнѣ хотѣлось создать изъ себя и у ближнихъ мнѣ по духу людей, если бы они пожелали стать на мою точку зрѣнiя, настроенiе, которое помогло бы встрѣтить и перевести надвигающiйся неизбѣжно материальный и духовный развалъ безъ упадка духа и безъ разочарованiя въ существованiи добрыхъ свойствъ у русскаго народа и въ самомъ его будущемъ.

Переживаемое нами время является пробнымъ камнемъ и дѣйствительнымъ испытанiемъ твердости духа тѣхъ, кто раньше выставляли любовь къ народу и къ людямъ основнымъ побужденiемъ своей дѣятельности. Уже слышались голоса разочарованiя, ненависти и презрѣнiя къ русскому народу. Указывающаго, что интеллигенцiя любила и боготворила выдуманный, идеализированный ею народъ, свою фантазию, а не дѣйствительный народъ, обнаружившiй теперь и отсутствiе у него государственнаго смысла, и наличность низменныхъ и жестокихъ побужденiй и стремленiй своей души.

Это указанiе на академичность и отщепенность интеллигентскихъ построенiй о нравственной сущности нашего народа можетъ быть и справедливо, но еще болѣе ошибкой было бы впасть въ противоположную крайность, махнуть рукой на русскiй народъ и видѣть въ немъ только отрицательныя свойства. Въдъ нельзя же винить народъ за то, что онъ оказался не такимъ, какимъ его принимали представлять себѣ! Скорѣе виноваты тѣ, кто были недостаточно наблюдательны и недостаточно внимательны къ нему, и несмотря на то, жили свои ошибочныя предст-

ления и народы на основу своих планов. При спокойном же и вдумчивом отношении к народу, самое разочарование не имеет во столько власти и сил.

Во переживаемый нами кризис русский народ, приняв во внимание степень его культуры и развития, его историческое прошлое и обстановку и задания нашей революции, оказался не хуже и не лучше других народов в подобных случаях.

Во всяком народе, как и во всяком человеке, заложены добрые основы, и каждый народ, как и каждый человек, не свободен от дурных, животных инстинктов. Добрые стороны нашего народа до революции были признаны. Они выявлены в литературных трудах Тургенева, Толстого и др. русских писателей. Всякий знает, что во гоним, угнетен, или при плохом руководителе наш народ способна была проявить безграничную терпимость, самоотвержение, истинную религиозность, человечность, в высшем смысле. Это свойства русского народа и дали основание интеллигенции идеализировать его, и они останутся при нем.

Во время революции случилось то, что у многих из народа теплые инстинкты временно возобладали над добрыми сторонами души под влиянием их некультурности, близким накопившимся средним классам и несправедливостей, внезапного разрушения привычного сдерживающего аппарата и добросовестной или недобросовестной дестабилизации, усмирившей их в возможности путем жестокого и беспощадного насилия улучшить свое материальное благосостояние и стать господями положения. Но главная причина проявившихся теперь всевозможных отрицательных явлений и отсутствия сдерживающих нравственных условий заключается в том, что революция у нас произошла не в то время, когда народная инстинктивная неустойчивость и напористость переходила в состояние, как вследствие сохранения в нас в это время исторического процесса перестройки всех отношений между людьми, так и вследствие того, что наши разные интеллигентские направления приложили достаточно усилий, при том и не без успеха, к тому, чтобы разрушить и развить во глазах народа старую моральную основу его жизни, но или не дали ему взамен их новых моральных основ, или, если и указали на новые нравственные идеалы, — последние не были еще усвоены народом, а самые представители этих направлений еще не получили широкого признания.

Поэтому, когда сразу дали все вышесказанное, ни у отдельных личностей, ни во всем народе не оказалось той внутренней дисциплины, которая является результатом уже усвоившихся нравственных воззрений, и без которой невозможно ни нравственное совершенствование, ни творческая деятельность.

Конечно, нельзя не сожалеть и не бояться душой о том, что происходило и происходит в настоящее время, но для людей, которые мотивом своей деятельности ставили любовь к народу и служение ему, разочаровываться в народ и отворачиваться от него было бы непростительным малодушьем. Если под влиянием одних условий временно возобладала в народ инстинктивная жестокость, то при других условиях возможно столь же интенсивное проявление хороших сторон его души, наличие которых у русского народа доказана его истинная.

Русский народ, а по историческим условиям и русское государство, будут существовать. Интеллигенция не уйти от народа, как и народу не уйти от интеллигенции: они неразрывно связаны между собой. Говорю или позволю народу обратиться к своей интеллигенции, как к источнику знаний и культурных начал, но и интеллигенция наша, в виду изданной призыва ей в руководство, хотя иногда, может быть и ошибочно понимаемого начала служения народу, сама никогда не будет в состоянии, не потеряв смысла своего существования, оставить народ в беспомощном состоянии. Поэтому задача интеллигенции в настоящее время заключается не в обманении народа, не в излоблении против него, не в мести ему, а в том, чтобы помочь его душевную трагедию и помочь ему выйти на добрый путь.

Что было, то было. Что было совершено, — того не вернуть и не изгладить. Надо смотреть больше вперед, чем назад на прошлое: на прошлое наши должны обращать не для укоризны, не для самообвинения и не для обвинения, не для мести за причиненное зло, а лишь для того, чтобы искать в прошлом указания опыта и объяснения существующего.

Многие прежде говорили о любви к народу, но большая для была искренности этой любви, если теперь, увидев проявление ее со стороны народа жестокости, злоумышленности и т. п., готовы часть душой и отвернуться от него? Велика ли была бы искренность любви отца, который, считая своего ребенка добрым и хорошим и узнав, что он совершает дурные поступки, мог бы не на него рукой, как на искуда чердака? Разве

большая заслуга любить друзей, любить добрых и хороших людей? Да и любовь к врагам разве так же высокая доблесть? Любить врагов — это так же прямо и честно, как любить к людям, доступной немногим, ибо так же замечать, заключаться в действительной любви к объективному — издревле, во времена древности — заступившимся людям во всем их индивидуальности и бесчеловечности — достатками, в стремлении неустанно искать во всем и во всем толщину выковой коры невинности, предразумения и пороков, доброе зерно и помочь ему выйти наружу и пролиться.

Вот, дорогой К. С., мысли, которые бродят у меня в голове и которыми у меня явилась потребность поделиться с Вами и Вашими друзьями. Такими мыслями и стараясь возбудить в себе настроение против вражеского уклада души, и от, мне кажется, могли бы помочь у нас устройство мирной советской жизни людей.

Мне кажется, что переживаемое нами время принесет пользу всем нам. Это, если повергнуться, слышать, и останется та правда, которая всегда больше справедлива народными движениями. Мы, впрочем, стараемся уметь и оптимизма, будем больше внимательны к народу и его духу и морали, самоуверенны в своих интеллигентских построениях и, может быть, станем добрее, а тогда все остальное приложится.

Простите за длинные письма и раздумия, но я надеюсь, что Вы и Ваши друзья мои и не осудите.

С. А.—Б.

Разгром усадьбы *).

I.

27 ноября 1917 года.

... Кто мог думать, что случится так, что случилось! Помните ли, что до побывшей минуты мы не считали за погрохи... Вот как было все. Грозил по соседству яму Сер. Вас. Бабюкова, все постройки разобрали, кирпичи сорли, развалившиеся дворы — все поджарили между собой. Къ нам же относились вполне дружелюбно, даже дружелюбие, помаленьку. Так, часто высказывали, что если и Козю никак ничего не думать трогать. Когда у нас шла работа, а часто, получу, спрашивала: скоро ли нас приедет? И всегда были одни ответы: Ну что вы, и не думайте... Но что-то непонятное во воздухе носилось среди жоловков незнакомой. Но почему же инстинкты проходили как-то ребята много дома и думали на души нехорошо, а днем за работой ее прилагали, добродушно къ нам относившихся людям опыта это чувство совершенно разбивалось — так мы жили. Со всеми всеми врагами, помню, солдаты Балашова, который организаторы в том, как бы проливает кровь, и Николай с деловыми усами, который говорил, что у меня должна быть и немалая доля надо уничтожить — я случайно видела в разговоры у нас, против ожидания, были совсем враждебны, и вдруг все кончилось так, как кончилось! И то секретно была молва бы Анюшка побжала за ночью къ Обленевкам *) верожи на Саратов, и вернувшись передала мне слова Коли: «Благодаря тебе Вэр, что все очень неспокойно, нехорошо, страшно. Къ вечеру и так мы упали духом, а тут стало еще тревожнее, но все-таки мысль о погроде не шла въ голову. Сей час Анюшка побжала за Ел. Ва. и Зиней *), поехали за Алекс. Да. *) и держали себя, что предпринимать. Все наши — Ната, Анюшка, Валя *) стали нас уговаривать не хватать, что мужики не тронуть нас, если придут, то, переговорить со мной, объяснив, что нам нужно, уйти. Сейчас мне кажется так, что будем ждать утра: по часу въ два прибыла Лиза (Польва сестра) *) — она мать — со слезами говорила, что все впереди ожидается пыльное, несут награбленную вещи и кожан (Ю.) гробовые... Под утро обещается быть у нас». Мы разбудили бабушку *), одели шубу, кое-что собрали (а так рада, как удалось спасти письма Л. Н. — ч). Бабушка сразу все поняла, только поговорила: «да будет Его сонная вода, подождь так надея, и

*) Въ октябрь 1917 г. была разгромлена небольшая усадьба дочерей Сергея Ник. Толстого — родного брата Льва Николаевича, дачишки очень бедны, трудными русскими, въ старости, запущенными двором покойного отца (Л. Н.).

*) Ник. Л. Обленевский, женатый на Л. Н. Толстой, Марии Льв. (ум. рш в 1906 г.)

*) Жена и дочь Григ. Серг. Толстого — брата В. С. — и, жила на отдале въ Петербурге.

*) Священник села Петрового.

*) Из бывших дворянок. *) Тонка дворянка, жила въ деревне.

*) Мария Михайловна, 93 лет, вдова Сергея Ник. Толстого, родом из дворян, скончалась въ январь 1917 г., въ Туле.

радости, часто плаку, что оль все понимает, такъ надо. Земля ковыря, чтобы ему на ней работать, наверное, когда-нибудь будетъ у него, если оль этого пожелаетъ—это несомненно. Это наше личное преимущество съ нимъ, что мы развлеклись со своей милой землей.

Вера Талстая.

Отъ Бронни до Москвы.

(Побѣда въ Юль 1917 года и въ Юль 1918 года).

Какая разница въ настроеніи народа! Какая разительная перемена въ отношеніяхъ къ интеллигенціи!

Побѣда отъ Москвы до Киева въ 1917 г. оставила воспоминаніе жутки... ужаса. Слово «буржуа» склонилось во всѣхъ надеждахъ.

— Вотъ скоро всѣхъ буржуевъ на вырѣзку.

— Ну, часть буржуевъ тоже надобно оставить, — возразилъ болѣе милостивый «гражданинъ-товарищ», — потому машина неспособна безъ пана, она не послушаетъ мужика... и хазету мужика не пропущитъ.

— Не надѣито имъ хазету, — продолжаетъ товарищъ, и рѣшил буржуевъ отправить на «вырѣзку». — И безъ машины обойдемся.

Злобные взгляды... брань... грубые окрики.

Побѣда недавняя, недѣлю назадъ. Слово «буржуа» какъ будто забыто. Волна испыхнувшей злобы отхлынула... и какъ будто далеко.

«Опамятались», — объясняютъ тѣ же «товарищи». — На долба вся эта срука.

Въ пути наблуде въ и сама получаемъ готовность помочь, услужить со стороны того же агроподполковника «товарища». Угостить чайкомъ, подѣлится сахарцемъ съ незалежливымъ интеллигентомъ-пассажиромъ... и подѣ чашекъ—дружеская беседа...

Все чаще слышишь разговоры о книгѣ.

— Книга она, конечно, нитанія хершаная...

Въ деревняхъ (мнѣ пришлось быть въ Орловской губ.) — привѣтливая лица, привѣтствія при встрѣчахъ стали какъ-будто обычнымъ, обязательнымъ...

Характернымъ показателемъ измѣнившагося настроенія народа—то явленіе, что тѣ самые крестьяне въ Юль и августѣ прошлаго года, когда въ и у нихъ бывала на мѣстѣхъ — кричали: «Слушайте только свой хранизацию (организацию), а буржуевъ не слушайте». И теперь на-дняхъ мнѣ пришлось быть на открытіи народнаго дома въ селѣ Фощи Боянскаго уѣзда Орловск. губ. и читать. Залъ мѣснаго Кредита. Общественна въ переполненъ главнымъ образомъ крестьянской массой. Читала произведенія Л. Н. Толстого при полномъ вниманіи и интересѣ аудиторіи.

Простите—такъ неполно, неярко, неинтересно дѣлаюсь своими впечатлѣніями послѣдней своей говядки. Новости о происшествіяхъ грабежъ всего моего имущества утѣмили, какъ-то сразу придавили.

Только теперь узнаю, что въ апрѣлѣ банды грабителей меня окончательно разграбили. Теперь мнѣ негдѣ отдохнуть. Съ привѣтомъ, душевнымъ уваженіемъ

Н. Федорова.

Въ пути.

Въ вагонѣ у Чудова (ст. Ник. ж. д.) была очень тѣсно, томительно. Говорили о дороговизнѣ, о томъ, что нѣтъ хлѣба, о томъ, какъ молодые люди могутъ работать, вступать въ ряды красной арміи для того, чтобы быть обеспеченнымъ хлѣбомъ—имъ дають и хлѣба и денегъ. Разказывали о томъ, какъ въ Петроградѣ бывшіе господа торгуютъ на улицахъ журналами и газетами и какъ интеллигенты, даже женщины въ шляхахъ събиваютъ лѣдъ съ мостовыхъ. Одинъ железнодорожникъ красноармеецъ, человѣкъ пожилой, съ густой неокочененной какъ кусокъ шали, бородой, обратился ко мнѣ: «А знаете вы тамъ адвоката Яхонтова? (фамилію измѣнилъ). — Знаю, говорю, — какъ же. — Что-жъ онь, по вашему, человѣкъ хорошій? — Дл. по моему, хорошій. — А по моему такъ плутъ, оборвать оль у меня полторы тысячи, дѣла не сдѣлалъ, бумаги не возвращаетъ и ничего не отвѣчаетъ. Плутъ онь. Вотъ плу къ нему. Я его... Я его въ трибуналъ вызову, ногъ тогда будетъ знать.

— А вы Евангеліе читали? — спрашиваетъ его. Онь удивился вопросу.

— Ну эта книга теперь не ко времени. А въ трибуналъ и его пригнута. Будетъ знать.

— А вы самшани, — продолжалъ д., — что въ Евангеліи сказано: «Слиши миритесь съ соперникомъ своимъ, пока ты на пути къ суду, чтобы судья не отнял у тебя послѣднее».

— Эта книга не ко времени, — возразилъ опять человѣкъ въ сѣрой шлестіи.

— А по моему, такъ очень ко времени. Всѣ эти трибуналы, какъ и прежнее суда, имѣютъ одно значеніе: людей раздѣ-

лять, а изъ раздѣлъ строить свои выгоды. Мнѣ какъ то давно пришлось видѣть ребячью картинку въ кинематографѣ. Два мальчугана не подѣлили какого-то лакомства, что-то зрѣлъ пареня; третій, побойче, взялся подѣлить ихъ. Поставилъ ихъ и живо разложилъ по обѣимъ чашкамъ вѣсомъ варенье. Случилось, что въ одну изъ чашекъ попало немного больше; во имя справедливости мальчуганъ судья, недолго думая, снялъ лишнее на ложку и... къ себѣ въ ротъ. Случилось, что снялъ онь немного больше, чѣмъ нужно—опять несправедливость! Снялъ съ противоположной чашки и опять себѣ въ ротъ. И такъ бойкій судья распредѣлялъ до тѣхъ поръ, пока не събѣлъ все лакомство и даже чашки вылизалъ.

То же и съ нашими судами и трибуналами, да и со всей государственной машиной: то она дѣлится насъ съ ибѣнами и грабитъ, дѣлится съ кушалами «буржуевъ»—опять грабитъ, куда ни сунется всадъ грабежъ. Только во всемъ виноваты мы сами; мы, какъ эти мальчуганы, погонимся за крушинкой, а терпѣмъ все.

— Это вы действительно вѣрно говорите, — отозвался кто-то изъ темнаго угла.

В. Милославскій.

«Правды надо искать въ самомъ себѣ».

Воронежъ, 15 мая 1918 г.

Давно я собирался написать, да все не подвѣдалъ, что будетъ дальше, да еще задерживала меня моя безграмотность. Думаю, зачѣмъ зря бумагу мараить, а она въ настоящее время дорогая. Но, наконецъ, не вытерпѣлъ. Сказано, что если вы будете молчать, то камни искусятъ васъ. Вотъ я, по своей малограмотности, принадлежу къ молч. Покорившись прому уважаемую Редакцію попросить сію записочку въ Вашей газетѣ «Голосъ Толстого и Едншеніе». Присоедините и мой подголосокъ къ нему.

Я—малограмотный крестьянинъ 43 лѣтъ. Все искалъ правды Божьей въ людяхъ и не находилъ. Оказывается, она въ самомъ себѣ, а когда будешь искать ее въ людяхъ, то никогда не найдешь ее, только и будешь повторить главную пословицу, что, мать, она въ антикѣ на вѣсахъ и у Бога на небесахъ. Думалъ найти ее у царской власти, начиная отъ извѣснаго полицейскаго чина и до министровъ и даже самого царя—не нашелъ. Была надежда получить ее отъ революціи 1905 года. Но революціи была подавлена империализмомъ. Также искалъ ее отъ всѣхъ членскъ Государственныхъ Думъ, и все нѣтъ. Думалъ найти правду въ судахъ и въ государственныхъ законахъ—тамъ оказалась одна бумага, да чернила, да перо. Наконецъ, я былъ въ полной увѣренности найти правду Божью въ пастырѣ православной церкви, молился съ ними вмѣстѣ церкви и церковному Богу, но онь безмолствовалъ, и правды все нѣтъ и нѣтъ.

Да ужъ грѣшилъ, наконецъ, наткнувшись на сочиненія Л. Н. Толстого. Тутъ мнѣ сразу и открылось, гдѣ правда Божья. Мнѣ и на душѣ сразу легче стало. А потому и удивляюсь сейчасъ ученымъ, образованнымъ и политическимъ людямъ, обещающимъ народу устроить жизнь по правдѣ, чтобы всѣмъ хорошо, равно всѣмъ живлось, и не замѣчаютъ, что изъ этого народа послѣднее выгонять, и все путаются да хвастаютъ каждымъ своей партией, да насъ, темныхъ людей, путаютъ. Чѣмъ они могутъ оправдаться? Учителя и пастыря церковные оправдываются тѣмъ, что народъ, мать, плохо сталъ, развратился, не слушаетъ ихъ. А кто же его доведъ до этого? Конечно, они. Социалисты говорили послѣ 1905 года, что не дѣли имъ бюрократы устроить хорошую жизнь, и солдаты имъ мѣшали, потому что были на сторонѣ монархическаго правительства. Но вотъ они доказались, что солдаты на ихъ сторонѣ. Оказывается, жизнь не улучшается, а ухудшается. Начали свалиться на войну. Войну выиграло стали кончатъ, и начали внутреннюю междоусобицу. Теперь пришелъ въ такой тушнѣ, что выйти не могутъ, все въ кучу свѣшали, что и самъ Карлъ Марксъ не разберетъ. Вотъ и посмотрите, люди добрые: дѣти Бонди по прирочѣ нашей, а по дѣламъ нашимъ мы—дѣти дьявола, какъ Христосъ сказалъ. И вотъ теперь намъ видно, что Христосъ обо всемъ намъ предказалъ заранѣе, предказалъ, что всему этому должно случиться. Видимъ своими глазами, какъ обезчлѣвилась жизнь человѣческая. Христа хотѣли замать, а тутъ явился на помощь Девъ Толстой. Недаромъ ему и имя-то дали такое. Какъ гаркиетъ на весь Божій свѣтъ—чуть не все церкви попадали, удержались на однихъ колоннахъ, на пастырѣхъ церкви. Хотѣли обойти и его учение, но вотъ оно скоро воскреснетъ, и колонны попадутъ. Не усуетъ и государство. Вотъ тогда только наступитъ истинная свобода, тогда ужъ и правда Божья осуществится на землѣ.

А теперь я обращаюсь ко всѣмъ людямъ братьямъ довольно спитъ, пора пробудиться и опомниться. Не надо надѣваться

ни на каких людей, только лишь на самих себя, на свой разум и на свою совесть, а для помощи взять можно учение Христа; мало этого—писания Л. Н. Толстого, и там уж вы много узнаете, всего найдете, и смью уверить вас, что всякой жаждущий правды найдет ее.

Посылаю свою записку в Вашу редакцию и покорнейше прошу поместить ее в газете «Голос Толстого и Единение». Хотя она очень малограмотно написана, ну что же делать. Но мне хочется хоть словесно сказать людям, что я понимаю от Л. Н. Толстого, указать и им, чтобы они обратились туда. А грамматические правила и знаки препинания предоставьте Вам. Думаю, что каву маслом не испортишь. У меня есть желание высказать, где нужно искать правду Божью.

В. Курбатова.

Из Калужской губернии.

7 июня 1918 г.

Разрешите прочесть женщинам и девушкам курс гигиены, а подготовитесь моху слушательницам к пониманию этого курса должен преподаватель биологии при Калужском учительском институте. Очень же прочесть такой же курс молодым людям. Всего больше меня огорчает непробудное пьянство, которое здесь царит. Хотелось устроить общество трезвости.—Они много дали в протестантских странах. В католических странах они не процветают и втрое потому, что разныя людишки отвыкли....

Искала днем с фонарем батюшку не потребляющего и еще не паша. У нас два учителя—городское и министерское. И в том и в другом стоять во главе люди, подверженные той же слабости. Председатель комиссарата алкоголики и сидеть теперь в тюрьме в виду происшедшего скандала. Что же жить этой парад? Немного вспоминаются слова Некрасова: «ты болящая, и ты наша Русь!» Все-таки думаю, что лучше не развешивать открытую продажу вина; хоть молодежь можно надеяться спасти.

У нас, к сожалению, увлекаются Марксом, а Жореса совсем не знают. Между тем решение аграрного вопроса у Жореса правильное; не трогать мелкую земельную собственность, а на крупной устраивать кооперативы.

Е. Г-ва.

От русского офицера в германском плену.

Глубокоуважаемый Сестра! К моему удовольствию я сегодня получил Вашу адрес и счастливо соблажен Вам о своем гл-бл-ом сочувствии к жизни и здоровью нашего незабвенного Льва Николаевича, которое я тщательно изучаю вот уже 3 года, и то мир изучений предо мною все шире и шире открывается терзающая духовного мирозерпаня, которое уносит мою мысль от тяжелой обстановки и дает возможность с наименьшей тратой нести свое немалое положение. Три года тому назад мне пришлось пережить самое болезненное душевное состояние. Не имея разумного представления о смысле жизни и в то же время чувствуя подлинное отчаяние к окружающей меня обстановке жизни, я дошел до состояния крайнего внутреннего напряжения, пока не столкнулся с идеями, в плену, с трудом Толстого «О жизни», который мне почерчивавшим образом объяснил причину всякой нашей страдания в жизни и недоразумений. Перед-ставшая странная за странной, я чувствую, что это и есть то самое, что и неважно, что мне не доставало и что мне так же необходимо; и для меня все стало ясно, ничего не оставило, и я больше не испытывал никаких противоречий, и мысли мои потекли самым гладким образом. А тогда случилась уже имела некоторую возможность делиться своим познанием в этой области со своими товарищами; на этом предмете мне пришлось выработать специальный метод преподавания, действующий на сознание при слушающем передовом чтении: 1) «О жизни». 2) Ев. Иоанна по изложению Л. Н. 3) «Меловиде». 4) «Есть чья-то моя игра». 5) Ев. Мат. 6) «Где что нам делать?». 7) Ев. Марка. 8) «Зачем извещать и любить». 9) Ев. Луки. 10) «Христианское учение». 11) Вторично «О жизни». 12) Мелкия брошюры Л. Н. (Работы и другие работы. Неужели так мало и др.). Это чтение занимает обыкновенно 2 месяца. Третий месяц занять Библией (Ветхий Завет). При особом желании к Пророкам. Заключаясь в Авестазию и в последние. Больше всего наша легкая Библиейна по этому вопросу, к сожалению не имеем; Необходимо иметь «Царство Божие». На днях я обратился в Жену в конгломерату Еллидина с

просьбой о высылке этой книги; но стоимость ее не могу передать, а бесплатно едва ли вышлют. И вот, таким образом с помощью Божией, пришлось наставить на путь истины двух товарищей, которые познали разумный смысл жизни и стали на путь отречения от блага личности. Эти молодые люди (20—22 лет) не исповедовали никакой религии, ибо ни в личного, церковного Бога—проявителя не верили, а про христианского Бога любви не имели понятия, (хотя один из них семинарист), но когда познали, то тоже почувствовали, что это то самое, недостатком чего они хотя и смутно, но ощущали; теперь же пустота эта заполнилась радостью, и они увидели небо открытым и ангелов господних восходящих и исходящих к нам. Из мистических наблюдений мне пришлось убедиться, что, к славе Божией, молодежь наша, особенно полуинтеллигентная, подает большие надежды к пробуждению разумного сознания и восприятию истины. Мне кажется, что теперь в России поодиночке переисследования страданий, несчастий и лишений наступила самая благодатная почва для слова Истины. Стремлюсь всей душой поработать на своей родной ниве.

М. Дмитриев.

Из Финляндии.

23 июня 1918 г.

Пока посылаю Вам сырой материал в пяти выписках и вырзках из газет, которые, по моему мнению, заслуживают быть перепечатываемыми в «Единении». Вышесть новый журнал «Свободные голоса» (Адрес редакции: контора Большая Пушкинская, д. 2/4, кв. 3). В апрельском № 1 передовая статья заканчивается такими словами: «Нас мало, и глухая ночь кругом, но мы вышли искать новый путь. Наши слабости нас не пугают. Мы верим, что кругом нас, в темноте, не види друг друга, тысячи одиноких искателей блуждают в поисках той же цели. Когда мы найдем друг друга, то найдемся заветный путь... И зашедший день застанет нас в добром паломничестве.— Мы ищущие, но еще не обрешие. У нас разные мысли, разные веры. Но мы не спорим, а ищем вместе. Голоса перекликаются во мраке, пусть разные слова слышатся в них, но дух один, одна перед нами цель. Дерзновенна эта цель, но время требует полноты: спасти правду социализма правдой духа и правдой социализма спасти мир». Оставляя в стороне вопрос о социализме, в котором, я думаю, заключается некоторая часть правды, нам, т.-е. «Единению», следует откликнуться на «Свободные голоса». Мы действительно только идем, но не пришли, ищем правильного пути, но не вышли еще на открытую дорогу. Чем чаще мы будем перекликаться среди орущего нас мрака, тем скорее найдем друг друга и выйдем к свету.

Вспомним казнь Остана Бульби... «Когда подвела ее к последним смертным мукам, казалось, как будто стала поддаться его сила. И повел он очам вокруг себя: Боже Всеведомый, все чужие лица! Хотя бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери, или безумных воплей супруги, истерзанной волосом и бичевой себя в бешеный глум; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом обсыжил его и утешил при кончине. И упал он силою и выскочил из душевной немощи: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?.. «Слышу» раздавалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул... И нам теперь, в минуту тяжелаго испытания, так же хочется крикнуть: «Дорогие друзья и братья! Слышите ли вы нас? Откликнитесь!» И каждое отбитое «слышу» ободрит нашу душу и поможет нам идти дальше среди кровавого тумана нынешних дней. В конце того же номера приведены «Свободные голоса из далека», звучащие в настоящее время как бы пророчество: «Если есть на земле нечто великое, то это твердая решимость народа, который без устали стремится перед очами Божьими к завоеванию полученных им от Бога прав своих, не считаясь дней, проведенных без всякого отдыха, безумных ночей, который говорит: «Что это за изгнанный Справедливость и свобода достойны гораздо больших трудов». Он может претерпеть несчастья, поражения, предательства, может быть проданным какому-нибудь лудой. Да не теряет он бодрости.—Ибо, истинно говорю я вам, если бы даже один человек в могилу, как Христос, если встанет из гроба на третий день победителем смерти, князя мира сего и служителя князя мира сего. (Ламеде). «Когда вы видите народ, обремененный оковами и отдаленный палачу, то не спешите говорить: это буйный народ, жаждущий смутить мир на земле.—Ибо, может быть, это народ-мученик, который

погибает за спасение рода человеческого (Ламеза).—Очень распространена в России сказка гласит, что царь, поддразнивая жену из невірности, запер ее съ снопомъ въ бочку, потому велѣлъ засмолить бочку и бросить въ море. Много лѣтъ плавала бочка по морю. Между тѣмъ царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ и уже сталъ упираться ногами и головой въ дѣла бочку. Съ каждымъ днемъ становилось ему тѣснѣе да тѣснѣе. Однажды сказалъ онъ матери:—Государыня матушка, позволь протиснуться въ волюшку.—Свѣгнись мой царевичъ, отыщила мать, не протыгивайся. Бочка лопнетъ и ты утонешь въ соленой водѣ.—Царевичъ смолкъ и, подумавши, сказалъ:—Протыгнусь, матушка! лучше разь протыгнуться въ волюшку да умереть.—Въ этой сказкѣ, вѣдъ наша исторія. (Герцель, 1851).

Врачъ В. С.—й.

Хроника

I.

Вѣсти съ Украйны.

Арестъ В. М. Дудченко.

Около 23 мая с. г. въ Полтавѣ Украинско-лифляндской властью арестованъ съгъ извѣстнаго друга и единомышленника Л. Н. Толстого М. С. Дудченко, по обвиненію въ принадлеженности къ большевиству.

Полтавское «Общество друзей всеобщаго мира» обратилось въ мѣстной газетѣ къ обществу съ рѣшительнымъ протестомъ противъ этого ареста и, приславъ намъ свой протестъ, просить помѣстить въ нашей газетѣ, что мы и исполняемъ съ полной откровенностью.

Обращеніе «Общества друзей всеобщаго мира» къ власти и имущимъ.

Во имя требованій справедливости О-во друзей всеобщаго мира считаетъ своимъ долгомъ открыто высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что хорошо извѣстный О-ву В. М. Дудченко обвиняется сейчасъ въ большевиствѣ совершенно по недоразумѣнію. Онъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи и былъ вообще чуждъ политическихъ интересовъ, въ смыслѣхъ тенденціи устраивать чужую жизнь.

Все же несмотря на свою антиобщественность, будучи избранъ въ члены Совета профессиональнымъ союзомъ строительнаго нека, онъ не смогъ однако отказаться отъ выполнения тѣхъ обязанностей, которыя казались, соответствовали лучшимъ интересамъ рабочихъ людей.

Но это—вѣнчина, формальная сторона, которая никакъ ужь не можетъ быть вѣнчена ему въ преступленіе, потому что нѣтъ на свѣтѣ того положенія, которое было бы вполне безусловно—вполнѣ свободно отъ грѣха. Что же касается вопроса о томъ, какъ велъ себя В. Дудченко, находясь въ этомъ, кажемся преступномъ положеніи «большевика», то всѣмъ близкимъ и многимъ знакомымъ его хорошо извѣстно, что онъ не только не совершалъ никакихъ преступленій, но проявилъ участіе и доброжелательство къ заключеннымъ «врагамъ»). Онъ наглядно показалъ, что во всякомъ положеніи можно оказывать человѣкомъ, способнымъ сохранить свое человеческое достоинство.

Разуже са, эти существенныя, при обвиненіи фактическія, черты должны быть вѣнчены свѣдѣннемъ, которое захотѣло бы оказаться безпристрастнымъ.

Въ заключеніе, чтобы сказать всю правду и полнѣе охарактеризовать личность обвиняемаго, остается признать, что преступное поведеніе въ средѣ численнической большевистской организаціи, какъ и во всякой насильнической организаціи, какъ бы она ни называлась, никакъ не можетъ быть свойственна такому человѣку, какъ В. Дудченко, который всю свою небогатую, молодую жизнь прожилъ и воспитался въ той обстановкѣ суровой жизни своего отца, при которой отношеніе ко всякому насилію всегда было самое отрицательное и при которой не только не допускалось насиліе надъ людьми, но даже и надъ животными.

Вотъ почему, находясь въ положеніи судебного слѣдователя, В. Дудченко, никогда не имѣвший и не употреблявший оружія, не только не могъ быть сторонникомъ казни, но не могъ проявлять никакого неуваженія къ людямъ.

Съелтъ Общества друзей всеобщаго мира.

30 мая 1918 г.

Письмо къ председателю Еватеринославскаго Вегетаріанскаго Общества.

Милый другъ,

Давно хочется написать вамъ вѣтъ о какомъ фактѣ. Въ жизни нашего Вегетаріанскаго Общества произошли перемѣны

къ лучшему, вследствие того, въ большой мѣрѣ, что мы расширили свои задачи, сдѣлавъ ихъ болѣе жизненными, приближая къ тому жизнепониманію, при которомъ вниманіе къ человѣку становится въ центрѣ—на первомъ планѣ (конечно, послѣ Бога или вмѣстѣ съ Нимъ).

Мы назвали себя *Обществомъ друзей всеобщаго мира*, и не только назвали такъ, но и создали вокругъ себя тѣ интересы, которые помогли намъ болѣе объединиться и привлечь къ намъ съ разныхъ сторонъ симпатіи.

Не могу не остановиться своего и въ данномъ случаѣ нашего вниманія къ этому дѣлу вѣтъ по какимъ соображеніямъ.

Мнѣ думается, что идея, воспринятая человекомъ, имѣющая тѣмъ болѣе практическое значеніе, чѣмъ онъ меньше сталечены и болѣе отвѣчаетъ требованіямъ сердца. Идея вегетаріанства, глубоко вѣрная сама по себѣ, благодаря своей отвѣченности, или иначе сказать, не опираясь на нѣчто чуждое требованій внутренняго чувства, какъ мы видимъ на дѣлѣ, не могла служить той связью, которая объединяла бы людей.

Мы хорошо знаемъ теперь, за время многолѣтней войны, что вегетаріанскія общества достаточно дискредитировали себя—не возмисли своего голоса противъ войны и насилія. Знаемъ по себѣ прежде всего также и то, что само по себѣ вегетаріанствованіе далеко не помогаетъ намъ быть добротѣе. А между тѣмъ выходитъ такъ, что ставя передъ собой этого идола и служа ему, люди вполнѣ удовлетворяются этой формальностью, вводя себя въ обманъ самоодобствомъ... Вѣдѣнствіе всѣхъ этихъ соображеній у меня является вопросъ, съ которымъ я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ братьямъ-вегетаріанцамъ—не вытекаетъ ли отсюда достаточно основаніе, чтобы сдвинуться съ этой сравнительно мертвой точки въ направленіи къ болѣе жизненному пути Христіанства.

Буду радъ звать ваше мнѣніе.

М. Дудченко.

Полтава, до востребованія.

II.

О жизни на землѣ.

Апрѣль 1918 г.

Такъ какъ вопросъ о поселеніи на Кавказѣ интересуетъ не только Васъ, но и многихъ; знакомыхъ и незнакомыхъ, то мы въ помѣщаемомъ ниже описаніи нашего кавказскаго житія-бытія, насколько возможно, отвѣчаемъ на всѣ вопросы, могущіе возникнуть у всѣхъ интересующихся переселеніемъ на землю.

Зимняя гора отъ моря около 10 верстъ, отъ Сочи верстахъ въ 18-ти—15 верстъ по шоссе и 3 версты узкой гнѣшходной тропой, по которой нельзя проѣхать съ повозкой, но можно проехать на лошади вьюкомъ (конечно, не громоздкія вещи). Пѣшкомъ на Сочи можно прибыть ближе тропами, но ими мы мало пользуемся, такъ какъ хорошо не знаемъ, и онѣ не такъ удобны, какъ шоссе.

Поселокъ на Зимней горѣ состоитъ всего изъ 6 усадебныхъ участковъ, пять изъ нихъ частью раскорчеваны, засажены фруктовыми деревьями, съ постройками, а шестой меньше всѣхъ удобенъ для поселенія, весь подъ лѣсомъ, принадлежитъ онъ какой-то вдовѣ, живущей въ Сочи. Населеніе нашего поселка теперь значительно больше, чѣмъ было прежде, т. е. въ то время, когда жили здѣсь старые поселки. Жилыхъ помѣщеній нехватаетъ, и только благодаря благоприятнымъ климатическимъ условіямъ, кое-какъ перебиваемся: спимъ, напрямѣръ, на сѣновалахъ, днемъ же театр почти все время на работѣ. Весна на Кавказѣ—самая рабочая пора. Такъ какъ почти всѣмъ намъ вскорѣ нужно будетъ перевозить сюда семьи, то необходимо при первой возможности строитьсь. Въ лѣсѣ, конечно, нужна нѣтъ—онъ вокругъ насъ. Для руководства въ постройкѣ намъ нужны специалисты-плотники, и такіе специалисты мы имѣемъ въ виду изъ числа нашихъ друзей, но сейчасъ пока ихъ нѣтъ здѣсь, да и намъ некогда.

Думаемъ мы жить отдѣльными хозяйствами, но возможности по соседству, помогая другъ другу, не связываясь между собою никакими обязательствами, обязаніями и холодно-формальными уставами. Это не исключаетъ, однако, возможности дѣлать что-либо сообща. Здѣсь особенно ясно видно, какъ важно поддерживать другъ друга. Теперь вѣтъ намъ часто приходится бывать въ Сочи, тамъ же получаемъ продовольствіе. Пришлось купить лошадей съ повозкой. Она обслуживаетъ всѣхъ насъ, и мы по очереди ухаживаемъ за ней. На днѣхъ мы также сообща начали работъ по поству

*) Напр. къ посаженнымъ въ тюрьму инспектору Мустафину, прокурору Дубровину и др.

